




**Deutsche
Bank AG**

SIEMENS & HALKE
 SIEMENS-SCHULTE & GRENKE
 in J. Frankfurt
 Deutsche Bank, Berlin
 Vors. des Aufsichtsrates der
 Badische Anilin- & Soda-Fabrik Aktiengesell
 bergwerksgesellschaft Dahlbusch, Gelsenkir
 Daimler-Benz Aktiengesellschaft Stuttgart
 Deutsche Libbey-Owens-Gesellschaft für me
 Aktiengesell
 Dortmund-Hor
 Philipp Holzma
 Kali-Chemie A
 Rheinisch-Wes

MANNESMANN
 Saarländische
 Salamander Aktiengesellschaft, K
 Gebrüder Stumm Gesellschaft mi
 kirchen/Saar
 Süddeutsche Zucker-Aktiengesell
 Vereinigte Glanzstoff-Fabriken, A
 Zellstofffabrik Waldhof, Mannhe
 Stellv. Vors. des Aufsichtsrates
 Aktien
 Deutsch
 Siemens
 Zeiss I
 Mitg
 Gelsen
 Metall
 Phoenix Gummiwerke Aktienges
 Rheinpreußen Aktiengesellschaft

Ф. РУМЯНЦЕВ
**финансовая
мафия**

**ВЛАДЫКИ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
МИРА**

Ф. РУМЯНЦЕВ

ФИНАНСОВАЯ МАФИЯ



ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1971

Румянцев Ф. Я.
Р86 **Финансовая мафия.** М., Политиздат, 1971.
80 с. (Владыки капиталистич. мира).

История «Немецкого банка» — это цепь мошенничеств, афер и преступлений. В экономической и политической жизни Германии он всегда играл определяющую роль. Эта финансовая монополия способствовала приходу Гитлера к власти, помогала нацистам в грабеже европейских стран и сокрытии награбленных ценностей. Ныне «Дойче банк» выкачивает прибыли из Латинской Америки, Азии и Африки, ссужает займами и кредитами колониальные и фашистские режимы.

Памфлет, написанный журналистом-международником, содержит интересные материалы о закулисной стороне деятельности «Немецкого банка» и представляет интерес для самых широких кругов читателей.

1—11—5
159—/1

■

Когда в конце второй мировой войны чиновники секретной турецкой полиции вскрыли банковский сейф, арендованный на имя некоего Джузеппе Беретты, они ахнули: на полках были аккуратно разложены мешочки с драгоценными камнями и золотыми украшениями и объемистые пачки иностранной валюты. При аресте абонент предъявил паспорт представителя Международного Красного Креста.

Вначале Беретта всячески отпирался, но затем сознался в том, что, используя свое служебное положение, контрабандой ввозил в Турцию валюту, украшения из золота, ювелирные изделия и бриллианты. Получателем был тайный агент фашистской службы безопасности, офицер СД Вилли Гетц. Через Гетца ниточка повела к директору дочернего предприятия крупнейшего коммерческого банка третьего рейха — «Немецкого банка» — в Турции Гансу Вейдеману.

В ходе следствия выяснилось, что депонированные Береттой сокровища принадлежали ранее убитым нацистами голландским гражданам. Из оккупированных стран Европы гитлеровцы вывезли все поддававшиеся транспортировке ценности: тонны золота, платины и серебра, алмазы и миллионные суммы денег в иностранной валюте.

Благородный желтый металл поступал в сейфы рейхсбанка — имперского эмиссионного банка Германии — не только из подвалов национальных банков Европы, но и из гиммлеровских концлагерей смерти. В одном только Освенциме ежегодно «добывалось» 90 центнеров золотых мостиков и зубов.

10 августа 1944 г. на тайном совещании руководителей рейха и его секретной службы с представителями крупнейших германских монополий в Страсбурге все эти награбленные сокровища решено было передать имперской службе безопасности. Она должна была позаботиться об их

дальнейшей судьбе, надежно скрыть, сохранить для финансирования послевоенного нацистского подполья и возрождения военного потенциала Германии.

Часть этих богатств вскоре была размещена через подставных лиц в зарубежных банках. Золотые зубы, коронки, мостики, украшения из золота, серебра и платины, полученные эсэсовской индустрией смерти из крематориев, гетто и концлагерей, подверглись переплавке в стандартные слитки, принятые к обращению на мировом рынке. В новой форме эти вещи уже ничего не могли рассказать о своем происхождении. Гигантский концерн цветной металлургии «Дегусса», которому была поручена эта операция, не успевал отливать драгоценные слитки. Ввиду этого часть работ по переплавке ценностей проводилась за границей. «Дегусса» входил в сферу влияния «Немецкого банка», поэтому банк, естественно, был заинтересован в успехе операции. Ничего удивительного, что директор филиала «Немецкого банка» в Турции Ганс Вейдеман получил приказ обойти турецкие законы и наладить переплавку награбленного золота в слитки непосредственно в Турции, что он и осуществил. Полученные ценности Вейдеман согласно решениям страсбургского совещания передавал офицеру СД Вилли Гетцу, а тот делал солидные вклады в турецких банках.

Помимо «Немецкого банка» в сокрытии бандитских сокровищ участвовало 50 германских и иностранных промышленных и банковских предприятий. Распродавая и укрывая кровавое золото, все эти «солидные» фирмы навеки покрыли себя позором. В особенности это относится к «Немецкому банку». Впрочем, тут нет ничего удивительного. Если проследить его 100-летнюю историю, то станет ясно, что финансовая монополия оказалась в одной компании с эсэсовскими палачами совершенно не случайно.

Первые шаги



1870 год. Через несколько месяцев завершится объединение Германии под главенством Пруссии. С побежденной Франции будет взыскана 5-миллиардная контрибуция. Бурными темпами развивается промышленность. «Пробужденное» немецкое национальное чувство используется для привлечения новых прибылей. Наступает эра спекуляции и грюндерства, эра акционерных обществ. Только за четыре года — с 1870 по 1874-й — в Германии возникло 857 акционерных обществ с совокупным капиталом в 3306 млн. марок. Множество мелких капиталов объединялись в немногие крупные. Пройдет несколько лет, и из чрева акционерных предприятий выползут тиссенсы, сименсы, появится тень зловещей «ИГ Фарбениндустри». Эти монополии будут становым хребтом германского империализма, который уже вождеденно смотрит на чужие территории.

События развиваются своим чередом. Создание акционерных обществ еще больше подстегивает концентрацию производства и капитала. Появляются крупнейшие коммерческие акционерные банки. Им суждено заменить мало-мощные частные банкирские дома.

22 января 1870 г. группа банкиров, представлявшая 21 германское государство, основывает в Берлине первый национальный акционерный банк с претенциозным названием «Дойче банк» («Немецкий банк»). На первых порах основатели банка намеревались проводить международные торгово-кредитные операции; в частности, в их планы входило финансирование внешней торговли и промышленности за границей.

Однако для вновь создаваемых фирм требовалось официальное разрешение. Прусское правительство долгое время не решалось узаконить новый банк. Тогда учредители «Дойче банк» — банкир и железнодорожный магнат Георг Сименс (позже к его фамилии прибавится дворянская ча-

стица «фон»), Артур фон Гвиннер, отпрыск известной франкфуртской семьи, зять совладельца строительной фирмы «Филипп Гольцман», Людвиг Бамбергер, один из «отцов» золотой валюты, ловкий делец, который в последующие 20 лет был бессменным депутатом рейхстага, и другие не менее «почтенные» коммерсанты обратились с письмом о помощи к канцлеру Бисмарку.

Они особенно упирали на то, что банковское дело «между Германией и другими частями света, не считая Соединенных Штатов Северной Америки, находится в руках англичан и французов».

Бисмарк, сам помышлявший о проведении более экспансивной финансовой политики, отнесся к посланию банкиров благожелательно. 10 марта официальное разрешение лежало на столе директора «Немецкого банка» Георга Сименса. Оно и понятно: рейх нуждался в финансовом институте того же «международного ранга», какой становилась «молодая мировая держава» — Германия. 9 апреля 1870 г. произошли, по выражению западногерманской газеты «Ди вельт», «совершенно выдающиеся роды с наложением шипцов»: открылись окошки банка. 100 лет спустя, 9 апреля 1970 г., крупнейшая биржевая газета ФРГ «Хандельсблат» с умилением писала, что история «Немецкого банка» — «это более чем история фирмы. Это история германской экономики. Она показывает ее развитие, ее значительные политические связи. Она поясняет ведущую роль «Дойче банк» как финансиста и одного из основателей индустрии. «Дойче банк» создал германской экономике доброе имя далеко за пределами страны...»

Факты, однако, говорят, что вся история «Немецкого банка» синхронизируется с летописью преступлений германского империализма.

Правда, первые его шаги выглядели скромно. В то время как другие банки (большинство кредитных институтов Германии еще находилось в руках отдельных банкиров, хотя уже существовали банки в виде акционерных обществ) располагались, по выражению «Ди вельт», в «римских дворцах», «Немецкий банк» ютился в первом этаже ветхого дома постройки XVIII в. на Французской улице в Берлине.

Это не смутило энергичных членов правления банка; они действуют с невозмутимостью цезарей. Особенно отличается этим качеством Георг Сименс, генеральный директор банка.

«Поклонник всего английского, Георг Сименс,— пишет видный западногерманский экономист Курт Прицколейт в книге «Боссы, банки, биржи» (Мюнхен, 1954),— заимствовал в своей деятельности методы британского империализма». Это значило, что Сименс был не очень-то разборчив в средствах, но зато ценил хороший вкус и респектабельность. Отец Георга, Иоганн Сименс, был советником юстиции. Как-то он дал займы своему двоюродному брату Вернеру 6843 талера. Прошло немного времени, и Вернер основал на эти деньги фирму «Сименс унд Гальске». С тех пор судьбы фирмы стали неотделимы от успехов «Немецкого банка». Деловые качества Георга Сименса — холодный расчет, блестящий коммерческий ум, неразборчивость в достижении цели — приводили в восторг Вернера. Он даже назначил двоюродного племянника опекуном своих сыновей.

Георг Сименс стремился увязать имперские притязания Германии с тактикой вывоза капитала, расширить сферу влияния германской экономики до глобальных масштабов. Первая фаза этой финансовой экспансии предусматривала господство в Европе и в самой Германии.

Если спустя год после основания «Немецкого банка» напоминал «гадкого утенка», то уже через два года в банковских и промышленных кругах о нем говорили с достаточным почтением. Получая всестороннюю поддержку от правительства, банк развивает бурную деятельность. Он раскидывает сеть филиалов. В 1871 г.— в Бремене, в 1872 г.— в Гамбурге, Шанхае, Иокогаме, в 1873 г.— в Лондоне. Паук начал свое дело.

На всех парах к наживе



Экономический кризис 1873 г. на несколько лет приостановил экспансию «Немецкого банка». Германская империя очутилась во власти депрессии. Впрочем, мотор банковского механизма, смазанный капиталом клиентуры, лишь замедлил обороты. В этот период «Дойче банк» устанавливал первые контакты с промышленными магнатами Германии, выявлял возможности создания новых филиалов за счет поглощения других немецких банков.

В. И. Ленин отмечал, что к моменту своего возникновения «Немецкий банк» был еще новичком с капиталом всего 15 млн. талеров¹. Впрочем, у новичка были повадки матерого хищника. В уставе «Немецкого банка» можно было встретить проникнутые экспансионистскими устремлениями статьи. Так, например, в статье 2 речь шла о том, что банк ставит своей целью, помимо всего прочего, «содействие в установлении и облегчении коммерческих связей Германии с другими европейскими странами и, в первую очередь, с заокеанскими рынками». «Дойче банк» — первый германский кредитный институт, включивший в свой статус участие в зарубежных финансовых операциях.

К 1880 году — году нового экономического подъема — капиталы и резервы «Немецкого банка» возросли до 54 млн. марок. Существенно пополнились сейфы и других крупных банков. За три десятилетия — с 1870 по 1900 год — банковское дело в Германии достигло гигантской концентрации. Десятки банков лишились своей самостоятельности, став добычей немногих крупных коммерческих банков — «Немецкого», «Дрезденского», «Коммерческого» и др.

Сращивание банковского и промышленного капитала привело к образованию финансового капитала. Все большее значение приобретали зарубежные финансовые операции. В тот период «Немецкий банк» проглотил семь других банков, создал опорные пункты в Нью-Йорке и Париже, открыл новые филиалы во Франкфурте-на-Майне и Мюнхене. В 1890 г. капиталы банка составили уже 103 млн. марок. Молодой хищник прибрал к рукам германо-бельгийский «Ла-Плата банк», что позволило ему закрепиться в Аргентине и Уругвае.

Германский империализм вырос из детских штанишек. Внутренний рынок уже стал для него тесен. Кайзеровская держава приступает к колониальным захватам. В 1884—1886 гг. Германии удалось захватить Юго-Западную Африку, Того, Камерун, восточную и северо-восточную часть Новой Гвинеи, Соломоновы и Маршалловы острова. Для немецких банков и концернов открылись новые источники сырья, рынки сбыта, новые сферы приложения капитала. «Дойче банк» не упускает случая распространить свое

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 331.

влияние. В 1886 г. он основывает «Дойче юберзееше банк» («Германский заморский банк»). В функции этого банка входили страховка экспортного и импортного финансирования и компенсация валютных колебаний при международных сделках, а также учреждение в Латинской Америке крупной сети филиалов. Это был ощутимый удар по конкурентам, которые также рвались на южноамериканский рынок.

И, наконец, в 1888 г. для «Немецкого банка» бьет звездный час: он получает концессию на строительство железных дорог в Османской империи. Этот выгоднейший заказ банк вырвал в ожесточенной конкурентной схватке с другими мощными банковскими группами благодаря тому, что обеспечил непосредственное представительство своих интересов в кайзеровском правительстве. В те годы германский капитал весьма активно участвовал в сооружении железных дорог внутри страны и за рубежом. Железнодорожные ценные бумаги высоко котировались на берлинской бирже. Кроме того, как отмечал В. И. Ленин, «быстрее всего развитие железных дорог шло... в колониях и в самостоятельных (и полусамостоятельных) государствах Азии и Америки... Финансовый капитал 4—5 крупнейших капиталистических государств царит и правит здесь всецело»¹.

Инвестиции в строительство железных дорог в колониях и отсталых странах, каковой являлась тогдашняя Турция, были в те времена особо выгодны. Чтобы расположить к себе султана, «Немецкий банк» в том же 1888 г. предоставил Османской империи пятипроцентный заем в 30 млн. марок, подлежащий погашению в течение 25 лет. В последующие годы «Дойче банк» неоднократно предоставлял турецкому правительству займы на закупку германского оружия и боеприпасов. Это подрывало экономику Турции, но зато усиливало позиции банка в Малой Азии.

Успешная экономическая экспансия «Немецкого банка» побудила финансовые круги в Берлине к созданию крупного банка, который взял на себя проведение всех операций в Азии. В 1889 г. «Дойче банк» совместно с другими банками учреждает так называемый «Дойч-Азиатише банк» («Немецко-Азиатский банк»). В то время орган германских колониальных кругов «Алльдойче блэттер» писал: «Итак, на всех парах вперед, к Тигру и Евфрату, к Персидскому

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 395.

заливу, чтобы передать сухопутный путь в Индию в те руки, которые одни лишь призваны владеть им,— в воинственные и трудолюбивые немецкие руки». Такие призывы приятно ласкали слух руководителей «Дойче банк», ибо они сами зарились на сокровища Азии. Особенно «Немецкий банк» был заинтересован в Турции. Почти все международные финансовые операции проходили там с его участием.

В 1889 г. кайзер Вильгельм II впервые посетил Константинополь. Этот визит еще больше упрочил позиции торгово-финансовых фирм Германии на Ближнем Востоке. В планах ближневосточной экспансии Берлина главенствующую роль стало играть строительство Багдадской железной дороги. Постройка ее началась еще в 1871 г., но затем была прервана.

В 1888 г. концессия на постройку этой линии, как уже отмечалось, была получена «Немецким банком». Его директор Георг Сименс выступил в рейхстаге с воинственной речью. «Те времена, когда германский капитал был лишь участником английских и французских предприятий в Турции, прошли»,— заявил он. Сименс заверил депутатов рейхстага, что «Немецкий банк» настолько окреп, что готов в интересах развития экономики рейха выступить в Османской империи самостоятельно. Речь директора «Немецкого банка» произвела на присутствовавших глубокое впечатление, ибо совпадала с их собственными мыслями. Бисмарк охотно согласился помочь «Немецкому банку», и Сименс приступил к операции.

В ней, как в зеркале, отразились новые черты империалистической внешней политики Германии: стремление к захвату источников сырья, рынков сбыта, сфер приложения капитала, создание опорных баз для схватки с другими великими державами за колонии, за передел мира. Не случайно, когда в 1898 г. речь зашла о получении концессии на строительство главной трассы Багдадской железной дороги — от Коньи через Багдад до Басры, банки и банковские объединения главных капиталистических государств вцепились друг другу в горло. На стороне англичан и французов был богатый колониальный опыт, но зато немцы имели то преимущество, что появились на турецкой сцене последними и могли слыть «освободителями магометан от европейского империализма». Британия справедливо опасалась, что захват немцами Багдадской дороги поставит под угрозу Индию и Суэцкий канал, а также английский экс-

порт в Турцию. Что касается султана Оттоманской империи, то он рассчитывал при помощи строительства дороги не только укрепить в экономическом и военном отношении свою империю, но и лично нажиться. Султан скупил в Мосульском вилайете большие земельные участки, чтобы затем перепродать их по спекулятивной цене.

Между тем неугомонный Вильгельм II снова пустился в вояж по Ближнему Востоку. Его сопровождал не кто иной, как директор «Немецкого банка» Георг Сименс. С 13 октября по 24 ноября 1898 г. кайзер побывал в Константинополе, затем посетил Палестину и Сирию. В Дамаске он выступил с речью, наделавшей много шума в дипломатических кругах Европы. Касаясь строительства Багдадской дороги, Вильгельм сказал: «Пусть его величество султан и 300 миллионов магометан, рассеянных по всему миру и почитающих его как своего халифа, будут уверены в том, что германский император будет их другом на вечные времена».

Красноречивая демагогия Вильгельма, интриги германских банкиров, в первую очередь руководителей «Немецкого банка», плюс колоссальная энергия, приложенная послом Германии в Турции, выполнявшим по совместительству функции эмиссара финансовых магнатов рейха, увенчались полным успехом. Георг Сименс поставил свою подпись под предварительным соглашением. «Перед германской промышленностью и торговлей,— писал в те дни статс-секретарь Бюлов,— открылись широкие горизонты. Влияние императорской поездки распространится вплоть до берегов Евфрата».

Действительно, «Немецкий банк» стал играть в жизни Турции столь значительную роль, что в финансовых кругах его прозвали «банкиром султанов». Самые значительные транспортные предприятия «Дойче банк» размещались на турецкой территории, что позволяло ему активно участвовать в финансовых гешефтах Оттоманской империи. Например, «Немецкий банк» семь раз осуществлял эмиссию турецких займов. В самом министерстве финансов Турции банк имел доверенного человека, немца Раффауфа. Раффауф, внештатный консультант министерства, занимал одновременно важную должность в кайзеровском посольстве в Константинополе. Видный советский германист Б. М. Туполев, долгое время работавший над материалами архивов внешней политики Германии и России, писал: «Ни одно важное решение не принималось министерством (финан-

гов.— Авт.) без рекомендации германского советника, который имел право направлять свои предложения непосредственно в султанский дворец».

Словом, влияние «Немецкого банка» в Турции было столь значительным, что о сколько-нибудь серьезной конкуренции со стороны других германских кредитных институтов не могло быть и речи. «Дойче банк» контролировал 2500 км действовавших или строившихся турецких железных дорог в Малой Азии и на Балканах. Таким образом, экспорт капитала в виде займов и инвестиций на строительство железных дорог стал на вооружение германской ближневосточной экспансии, а Багдадская дорога — орудием закабаления Турции. Считая войну в Европе неизбежной, германский генералитет рассматривал Оттоманскую империю как будущего союзника. По этой причине турецкие железные дороги приобретали для Берлина не только экономический, но и военно-стратегический интерес.

27 ноября 1899 г. султан Абдул-Хамид издал ирадэ (указ), гласивший, что «Немецкому банку» выдается концессия на постройку в течение восьми лет дороги от Коньи через Багдад до Басры. 5 марта 1903 г. «Общество Оттоманской и Анатолийской железной дороги», созданное «Немецким банком» совместно с другими германскими банками, получило вождеденные концессии. Помимо эксплуатации дороги германским банкам предоставлялось право грабить недра турецкой земли в 20-километровой полосе по обе стороны полотна, а также бесплатно пользоваться определенными участками государственных земель. Экономическую агрессию «Немецкого банка» вынужден был оплачивать народ Турции.

«По мере развития банкового дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников во всемогущих монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран»¹, — отмечал В. И. Ленин, анализируя роль банков в кайзеровской Германии. «Немецкий банк» также перерастал в монополию. Разразившийся в 1900 г. экономический кризис чрезвычайно убыстрил процесс концентрации капитала и производства в Германии. В 1907 г. в кайзеровской империи насчитывалось 30 588 круп-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 326.

ных предприятий (0,9% общего числа предприятий), на которых трудилось 39,4% всех рабочих. На крупных предприятиях было сосредоточено 75,3% паровой и 77,2% электрической энергии. «Десятки тысяч крупнейших предприятий — все; миллионы мелких — ничто»¹, — писал В. И. Ленин.

В экономике капиталистических стран господствующее положение заняли монополии. Капитализм перерос в свою высшую стадию — империализм. «Наши представления о действительной силе и значении современных монополий, — подчеркивал В. И. Ленин, — были бы крайне недостаточны, неполны, преуменьшены, если бы мы не приняли во внимание роли банков»². Прежде всего, гигантски увеличились масштабы их деятельности. Все большее количество денег из безработных сокровищ превращались в капиталы, которые оставалось лишь выгодно поместить.

Депозиты германских кредитных банков выросли с 1883 по 1913 г. в 13 раз. Резко увеличилось число филиалов и депозитных касс grossбанков. Если в 1900 г. их было 39, то в 1913 г. — уже 600! «Дойче банк» начал свою карьеру, имея 15 млн. талеров акционерного капитала, 60 владельцев счетов и вкладов на 200 тыс. талеров. В 1914 г. капитал банка вырос до 250 млн. марок. Число служащих «Дойче банк» приблизилось к 5 тыс. (в 1895 г. в 66 германских банках было 7802 служащих). Соответственно выросли и обороты банка. Если в год основания — в 1870 г. они составляли 239 млн. марок, то к 1911 г. они достигли 112,1 млрд. марок!

Концентрация капитала, колоссальный рост операций банков обусловили коренное изменение их роли, превратив их из скромных посредников в платежах в союз горстки монополистов, распоряжающихся торгово-промышленными операциями всего капиталистического общества.

В «Тетрадах по империализму» Ленин писал: «Один «Дейче банк»... связан с группой в 12 банков, располагает капиталом в *1 миллиард* марок — капитал этой группы и «дружественных» банков, — поглотил 52 банка, имеет 116 отделений, касс и т. п. в Германии, — имеет места в наблюдательных советах 120 торгово-промышленных обществ и т. д.»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 311.

² Там же, стр. 325.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 339.

Неудивительно, что сфера влияния «Немецкого банка» скоро охватила целые отрасли промышленности. И везде банк чувствует себя полновластным хозяином.

«Керосиновая комедия»



Первые 30 лет своего существования «Немецкий банк» посвятил железнодорожному бизнесу и операциям с иностранными займами. Строительство железных дорог было весьма прибыльным делом. На нем обогащались и другие германские монополии. Можно даже сказать, что последняя треть XIX в. была отмечена железнодорожной лихорадкой. Еще В. И. Ленин вскрыл связь железных дорог «с крупным производством, с монополиями, с синдикатами, картелями, трестами, банками, с финансовой олигархией...»¹. Железные дороги были как бы визитной карточкой капитализма. Они являлись, по ленинскому определению, итогами самых главных отраслей капиталистической промышленности — каменноугольной и железодельательной — и одновременно наиболее наглядными показателями развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации.

Однако наиболее дальновидные воротилы из «Немецкого банка» понимали, что рано или поздно эта золотая жила иссякнет. Поэтому они обратили свои взоры на нефть. Нефтяным эльдорадо в Европе была в то время Румыния. «Дойче банк» первым среди других германских банков присосался к румынской нефти. Однако здесь он столкнулся с достойными конкурентами — Рокфеллерами. Собственно, в этом не было ничего удивительного: там, где обнаруживали нефть, всегда появлялись и предприимчивые нью-йоркские дельцы. Нефть и Рокфеллеры — слова-синонимы. Короче, между двумя монополиями — банковской и нефтяной, или, как тогда говорили, «керосиновой», — началась баталия, проходившая с переменным успехом. «Немецкому банку», претендовавшему на фюрерство в добыче румынского «черного золота», удалось интригами заполучить крупную нефтяную компанию «Стяуа ромынэ». Председателем наблюдательного совета этой фирмы стал преемник Георга

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 304.

фон Сименса Артур фон Гвиннер. С его легкой руки «Стяуа ромынэ» сделалась ведущим нефтяным предприятием Германии в Румынии. В Берлине «Немецкий банк» основал «Германское нефтяное акционерное общество», призванное «блюсти интересы» банка в Румынии, России, Австро-Венгрии и в самой Германии. Это общество являлось отделением «Немецкого банка» и размещалось в одном с ним здании. К тому времени банк торжественно перебрался с захудалой Французской улицы на помпезную Бэренштрассе — Медвежьёу улицу. Что ж, он действительно обладал медвежьей хваткой.

Желая единолично заполучить всю румынскую нефть, «Стандард ойл компани» стала насаждать дочерние предприятия в самой Европе. Рокфеллеры значительно превосходили «Дойче банк» и в капиталах и в колониальном опыте. Понимая это, германские банки вступили в союз с группой Нобеля — Ротшильда, но затем передрались между собой из-за будущей добычи. Как говорится, конкуренция схватила за горло...

Началась знаменитая «керосиновая комедия». Правда, Рокфеллерам она влетела в копеечку, зато они смеялись последними. Как отмечал Ленин, «борьба должна была кончиться и кончилась в 1907 году полным поражением «Немецкого банка», которому оставалось одно из двух: либо ликвидировать с миллионными потерями свои «керосиновые интересы», либо подчиниться. Выбрали последнее и заключили очень невыгодный для «Немецкого банка» договор с «Керосиновым трестом» («Стандард ойл компани». — *Авт.*). По этому договору, «Немецкий банк» обязался «не предпринимать ничего к невыгоде американских интересов», причем было, однако, предусмотрено, что договор теряет силу, если в Германии пройдет закон о государственной монополии на керосин»¹.

Несколько лет спустя «Немецкий банк» чуть было не провел через рейхстаг такой закон, но крупные германские банки снова передрались из-за дележа добычи. К тому же в имперском кабинете трезво оценивали финансовые возможности нефтяных магнатов Америки, основных поставщиков керосина рейху. «Стандард ойл» снова вышла победителем.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 368.

За кулисами событий



Неудача с нефтью была компенсирована успешной экспансией в электротехнику — процветающую отрасль экономики. Экспорт электротехнических изделий занял первое место во внешней торговле рейха. В 1913 г. он составил 331 млн. марок. В этом отношении кайзеровская империя опередила таких экспортеров, как Америка, Англия, Франция и Швейцария. Наиболее перспективной фирмой среди германских электротехнических концернов была «Сименс унд Гальске».

Своим появлением на свет «Сименс унд Гальске» обязана отцу первого директора «Немецкого банка» Георга Сименса — Иоганну Сименсу, который, как уже говорилось, ссудил деньгами своего двоюродного брата Вернера Сименса, лейтенанта прусской артиллерии. На эти деньги — 6843 талера — Вернер Сименс и механик Иоганн Гальске открыли механическую мастерскую с тремя рабочими. Через два года здесь уже было 25 человек. К 1882 г. компаньоны стали владельцами фабрики, где трудилось 750 человек. В 1897 г. электротехническая фирма преобразуется под эгидой «Немецкого банка» в акционерное общество «Сименс унд Гальске АГ» с капиталом в 35 млн. марок. По тогдашним понятиям это была очень большая сумма. Скоро «Сименс унд Гальске» становится уже одним из десятка других обществ концерна «Сименс». Изобретательный и предприимчивый Вернер Сименс стремился к тому, чтобы его наследники могли единолично заправлять делами фирмы. Поэтому он бесцеремонно распрощался со своим компаньоном Гальске. Однако фамилия Гальске осталась в названии фирмы.

После смерти Вернера Сименса в 1892 г. новые хозяева — Вильгельм фон Сименс, тайный государственный советник, и его брат Арнольд фон Сименс получили контрольный пакет акций. Семья Сименсов выходит на авансцену большого бизнеса. Уже в 90-х годах прошлого века Сименсы занимают монопольное положение в области электротехники. Концерн выпускает весьма обширный ассортимент продукции: телефонные и телеграфные установки, электростанции и различную электротехническую аппаратуру, предназначавшуюся главным образом для армии и флота. Вместе с другим гигантом электропромышленно-

сти — АЕГ («Всеобщее общество электричества») Сименсы делят между собой германский рынок. За спиной обоих концернов стоят мощные банковские монополии. Сименсов с момента появления на свет опекает «Немецкий банк».

Кризис 1900 г. чрезвычайно убыстрил процесс концентрации в германской экономике. «Сименс» вступает в картельное соглашение с АЕГ. Но, как указывал В. И. Ленин, «внутренний рынок при капитализме неизбежно связан с внешним. Капитализм давно создал всемирный рынок. И по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всячески заграничные и колониальные связи и «сферы влияния» крупнейших монополистических союзов, дело «естественно» подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей»¹.

Так что нет ничего удивительного, что «Сименс» и АЕГ вступили в соглашение о разделе «сфер влияния» с американской монополией «Дженерал электрик компани», господствовавшей на рынке США. В 1907 г. между двумя электрическими державами был заключен договор, устранявший конкуренцию на внешних рынках. Немцам досталась почти вся Европа, «Дженерал электрик» получила Соединенные Штаты и Канаду.

Но в «Немецком банке» считали, что контроль над Европой будет неполным, если не завоевать решающие позиции в самом рейхе. Банк врывается в промышленную кузницу Германии — в Рурскую область и устанавливает диктат над 20 рудниками с 72 594 рабочими. Эта экспансия облегчается давними связями банка с крупнейшими рурскими концернами — «Маннесманом», «Клекнером», «Хешем», «Ганиэлем» и др.

Наиболее известный из них — горнопромышленный концерн «Маннесман», основанный в 1890 г. Рейнгардом Маннесманом с помощью «Немецкого банка». «Маннесман» относился к числу тех германских фирм, которые с необыкновенной резвостью устремлялись в чужие страны. Правда, они имели основание торопиться, ибо «свободные» территории уже почти целиком были захвачены старыми колониальными державами — Англией, Францией, Бельгией, Португалией.

Накануне первой мировой войны «Маннесман» владел угольными шахтами, железными рудниками, доменными и сталелитейными печами, металлообрабатывающими и ма-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27 стр. 364

шиностроительными заводами и множеством предприятий, производивших боеприпасы и вооружение. Вместе с «Круппом» и некоторыми другими рурскими концернами «Маннесман» сражается с французским монополистическим капиталом за марокканскую железную руду. В 1908 г. за крупную взятку султану Марокко он получает право грабить недра этой страны. В руках братьев Маннесман оказывается свыше 2 тыс. месторождений железной руды и других полезных ископаемых. Их добыча сопровождается беспощадной эксплуатацией местного населения.

Захват Германией экономических позиций в Марокко приводит к опасному осложнению отношений в Европе. Но для Маннесмана, равно как и для «Немецкого банка», чьим крупнейшим акционером он является, это праздник. Как и пушечный король Крупп, Маннесман заинтересован в провоцировании военных конфликтов. Ведь это сулило гонку вооружений, а следовательно, расширение рынка сбыта военной продукции.

«Немецкий банк» и концерн «Маннесман» активно готовятся к войне в Европе. Военный бум, последовавший после знаменитого «прыжка» «Пантеры» — провокационного появления германской канонерской лодки в марокканских водах, — приносит огромные барыши. «Немецкий банк» вступает в международный картель по использованию американского способа производства брони из никелевой стали. Этот картель, просуществовавший до начала первой мировой войны, вел дела с любыми клиентами. Любая сторона — агрессивная или подвергшаяся нападению — могла рассчитывать на услуги международных торговцев смертью. Раскрывая эту хитроумную механику, В. И. Ленин писал: «Вооружения считаются национальным делом, патриотическим делом; предполагается, что все строго оберегают тайну. А судостроительные и пушечные, динамитные и ружейные фабрики и заводы представляют из себя *международные предприятия*, в которых капиталисты разных стран дружно надувают и обдирают, как липку, «публику» разных стран, строя суда или пушки одинаково для Англии против Италии, для Италии против Англии»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 175—176.

Кровавый жир



Процветающие военные монополии, входившие в сферу влияния «Немецкого банка», стремились к обострению империалистических противоречий, им тоже нужна была «жирная» война. Группа «Немецкого банка» всячески подталкивала имперский кабинет к развязыванию такой войны. Для этой цели «Немецкий банк» имел в правительстве кайзеровской Германии могущественных ходатаев.

Первым среди них был Карл Хельфферих. Реакционер, пруссак до мозга костей, Хельфферих прошел путь от чиновника колониального отдела министерства иностранных дел рейха до директора «Немецкого банка», а затем и министра. Став министром финансов в имперском кабинете, Хельфферих, как свидетельствует немецкий экономист Г. Бауманн, «взял ответственность по финансированию первой мировой войны». В этой должности он действовал столь «успешно», что в 1916 г. уже стал вице-канцлером Германии. Хельфферих непосредственно участвовал во всех аферах грабительской империалистической политики. Наряду с ограблением государственной кассы рейха во время войны к его самым «блестящим» достижениям можно отнести аферу с инфляцией, проведенную крупными концернами Германии в начале 20-х годов.

В кровавом 1914 году капиталы «Немецкого банка» увеличились на 50 млн. марок, достигнув внушительной цифры в 250 млн. марок. Характеризуя тогдашнюю мощь банка, В. И. Ленин писал: ««Группа» «Немецкого банка» — одна из самых крупных, если не самая крупная, из всех групп больших банков... Всего в группу «Немецкого банка» входит, прямо и косвенно, целиком и отчасти, 87 банков, а общая сумма капитала, своего и чужого, которым распоряжается группа, определяется в 2—3 миллиарда марок»¹.

В суматохе военных будней «Немецкий банк» незаметно расширял «сферу влияния». Так, например, он организовал свое «слияние» с «Бергиш-Меркише банк», иными словами осуществил захват этого банка.

Все большее число стран втягивалось в мясорубку войны. Все больше прибылей получали германские концерны. В 1915—1916 гг. чистый доход 416 акционерных обществ Германии возрос более чем в полтора раза по сравнению

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 328.

с 1913—1914 гг. Особо крупные дивиденды наблюдались в автомобильной промышленности («Даймлер — Бенц АГ») и у фирм, производивших взрывчатые вещества («Байер АГ» — также группа «Немецкого банка»). Германские монополии жирели на военных поставках.

«Немецкий банк» получает «кесарево» с участия в делах концернов «Сименс», «Маннесман» и других фирм. Банк извлекает барыши из каждой винтовки, гранаты и мины, выпущенных на этих предприятиях.

На «Сименсе» он делает даже двойной гешефт. Ведь часть предприятий этого концерна входит в список важнейших фирм... России. Еще во время Крымской войны, когда царь Николай II из-за отсутствия телеграфных линий попал в тяжелое военное положение, фирма «Сименс унд Гальске» выступила в Петербурге в роли «спасителя», построив несколько телеграфных линий. Впрочем, сия «гуманная» акция обернулась, как обычно, для фирмы золотым дождем: ее годовой оборот вырос дополнительно на 1 млн. рублей. «Спасая» Россию, Сименсы одновременно с выгодой поставляли телеграфное оборудование и ее противникам в Крымской войне — Англии, Франции и Турции. Услуги фирмы ценились там и здесь. Бухгалтерия фирмы не успевала оформлять заказы, сыпавшиеся из царских министерств. Благодаря связям при дворе Сименсам удалось протолкнуть своего доверенного человека, некоего капитана Людерса, на важный пост директора русского телеграфа. Ободренный таким успехом, шеф фирмы Вернер Сименс засылает в Петербург своего кровного брата Карла, предварительно напутствовав его следующими словами: «Россия — страна, где можно недурно заработать, если знать ее условия».

Карл оправдывает доверие. Он закручивает темные аферы с царскими министрами, показывая себя знатоком человеческих слабостей, затем получает с помощью женьитбы финское подданство, а тем самым возможность беспрепятственно совершать любые гешефты «ин либ Русланд».

Этот сомнительный делец даже возводится царским правительством в официальную должность «контрагента по строительству и ремонту императорских русских телеграфных линий». Протекционистскую политику Петербурга Сименсы используют для борьбы со своими конкурентами. Связным между царем и концерном служит Распутин со своей кликой. От Сименсов он получает политические и экономические указания. С помощью шантажа, подкупа и

прочих подобных методов «Сименс унд Гальске» удается сохранить свои предприятия в России. «Немецкий банк» и Сименсы сообща наживались на крови русских и германских солдат. Это не мешало, однако, считаться им «полноценными немцами» и «истинными патриотами». Скорее даже способствовало процветанию обеих фирм.

В 1915 г. директор «Немецкого банка» — уже знакомый нам Карл Хельфферих — был назначен министром финансов Германии. Вместе с новым председателем правления «Немецкого банка» Артуром фон Гвиннером он разработал планы сооружения двух крупных военных предприятий для выпуска «модной» и выгодной продукции — удушающих газов.

Преемник Георга фон Сименса Артур фон Гвиннер не новичок в таких делах. Он член «кригсаусшус» — «военного комитета» германской индустрии, он ответствен за экспертов отдела стратегического сырья военного министерства, он распоряжается специалистами, работающими в военно-заготовительных ведомствах. Таким образом, новый генеральный директор «Немецкого банка» держит в своих руках контроль над военными заказами, идущими в германскую промышленность.

Представители «Немецкого банка» и других крупных монополий в годы первой мировой войны активно использовали государство для увеличения собственных дивидендов. Ведь они непосредственно заправляли государственно-монополистическими органами по военному «регулированию» экономики, снабжали подопечные предприятия выгодными заказами, ценным сырьем, кредитами, разумеется, обходя конкурентов. Горстка магнатов капитала не только целиком захватила экономику страны, но и подчинила своей воле все государственные органы. В. И. Ленин отмечал, что немецкий финансовый капитал внес «начала огосударствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма»¹. «Боги» без стеснения диктовали имперскому кабинету свои претензии на новые аннексии и колонии, давали советы генеральному штабу. Впрочем, это было излишним. Пожелания небожителей германского монополистического Олимпа, как правило, встречались криками восторга, ибо совпадали

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 83.

с целями и намерениями самих правящих кругов рейха. Однако кровавым планам германских монополий не суждено было тогда осуществиться. Кайзеровская империя потерпела тотальное поражение.

На золотой волне



Однако, несмотря на оккупацию, потерю части патентов — основы экономической экспансии, немецкая экономика в общем не потерпела существенного ущерба. Напротив, монополии, поставлявшие вооружение для армии, вышли из войны еще более сильными. Через несколько лет германские концерны и банки снова выступили с претензиями на мировое господство.

«Немецкий банк» и здесь был одним из первых. Он приумножил свои капиталы. В предпоследнем военном году дельцы с Бэрэнштрассе прибрали к рукам «Шлезисше банк-фэрейн» и «Норддойче кредитанштальт» — два значительных финансовых института Северной Германии — и открыли очередной филиал в Софии.

1918 год отмечен экспансией «Немецкого банка» в идеологическую область. Банк основывает киностудию «Универзум фильм АГ», ставшую в последующие годы пропагандистской организацией всех националистических и шовинистических сил Германии, идеологической базой фашизма. 1920 год — год неслыханных экономических трудностей — принес «Немецкому банку» очередное увеличение капитала на 125 млн. марок. Совокупный капитал банка составил уже 400 млн. марок. Располагая такими средствами, можно было продолжать экспансию. И уже в следующем году банк открывает свой филиал в Амстердаме. Недурное начало после тотального поражения в войне!

Инфляция, поразившая Германию в 20-х годах, явилась для крупных монополий даром небес. Это было время «гениев» финансовых проделок. Магнаты капитала нажили гигантские суммы, спекулируя иностранной валютой и тем самым искусственно раздувая инфляцию. В этой грабительской операции, лишившей трудящихся заработка, хлеба и последних сбереженных грошей, «выдающуюся» роль сыграл «Немецкий банк» и его уполномоченный в правительстве Карл Хельфферих.

«Сегодня министр — завтра банкир; сегодня банкир — завтра министр». Это меткое ленинское определение полностью относилось к условиям, существовавшим в тогдашней Германии. За несколько лет Хельфферих сменил несколько важнейших постов — министра финансов, министра внутренних дел, вице-канцлера, члена правления «Имперского банка», оставаясь в то же время одним из директоров «Немецкого банка». С ведома Хельффериха типографские предприятия некоторых рурских концернов тайно печатали для правительства десятки миллионов денежных знаков со все растущими цифрами номинальной стоимости, дошедшими скоро до миллиардов, тем самым сознательно усиливая инфляцию. Многие нелегальные финансовые операции того времени шли через крупные банки, так что нет ничего удивительного, что в 1923 г., когда была зафиксирована высшая точка инфляции, капиталы «Немецкого банка» поднялись (в сопоставимых суммах) на 700 млн. марок. Банк теперь ворочал капиталом в полтора миллиарда марок!

Но в целом экономическое положение Германии было незавидным. Кредитная система походила на расстроенный клавесин. Твердая валюта — вот что могло спасти страну. И тут на сцене появляются банкиры с Уолл-стрита. Они рассчитывали, что помещение капиталов в Германии не только принесет столь желанные прибыли в форме процентов по займам и дивидендов, но и обеспечит контроль над главными отраслями немецкой промышленности, а если бог даст, и экономикой всей Европы.

Сказано — сделано. Как только марка стабилизировалась — а это произошло в 1924 г., — на Германию обрушился золотой дождь иностранных займов, главным образом американских и английских. Только за шесть лет — с 1924 по 1929 г. — немецкая экономика получила 10—15 млрд. марок долгосрочных вложений и свыше 6 млрд. марок краткосрочного кредита. По другим сведениям, общая сумма иностранных займов составила 25 млрд. марок. Около двух третей зарубежного капитала приходилось на США.

Этот поток долларов и фунтов шел в первую очередь в тяжелую индустрию — основу военного потенциала. Детище «Немецкого банка» — электротехнический концерн «Сименс», штатный поставщик армии, урвал 48 млн. долларов. Другая подопечная банку фирма — «ИГ Фарбен» также существенно пополнила долларами свои сейфы. Эта крупнейшая химическая монополия, поставлявшая ядовитые газы

и взрывчатые вещества кайзеровской армии, получила теперь возможность обновить свой основной капитал и утвердиться среди других концернов-гигантов на правах первого.

«Немецкий банк», его правление проводило в годы инфляции новую политику концентрации, направленную на обновление, возрождение экспансионистской мощи германского монополистического капитала. Банк возглавил операцию по слиянию шести групп картеля «ИГ Фарбен» в единое акционерное общество «ИГ Фарбениндустри» (1926 г.). Одновременно «Немецкий банк» продолжал экспансию в тяжелую индустрию. При его активном участии создается крупнейший сталелитейный трест «Фэрейнигте штальверке» («Стальной трест») и «Миттельдойче штальверке».

Один из директоров «Немецкого банка», Отто Вольф, вошел в правление «Стального треста». Используя американские капиталы, немецкие финансовые магнаты сумели организовать ряд других новых мощных «сверхтрестов», монополизировавших ключевые отрасли германской экономики. В 1925 г. в Германии было 1500 картелей и синдикатов, в 1930-м — уже 2100. Крупные банки, через которые шел золотой поток иностранных займов, стали еще более могущественными. В 1914 г. главнейшие берлинские банки контролировали 49% всех вкладов. К началу 30-х годов только четыре банка распорядились 68% совокупных вкладов.

Волна концентрации в Германии достигла высшей точки в 1929 г., накануне так называемого «великого экономического краха», который потряс до основания мировую систему капитализма.

В этом грозном году «Немецкий банк» сочетался браком с другим крупным банком — «Дисконто гезельшафт». Чтобы оценить значение столь выдающегося события, взглянем в биографию «невесты». «Дисконто гезельшафт» за сравнительно короткий срок вырос в могущественный банковский дом. Уже в 1856 г. он располагал твердым акционерным капиталом в 10 млн. талеров. Фирма вошла во влиятельную финансовую группу лондонских Ротшильдов, присоединила к себе «Северогерманский банк», затем солидно нажилась на финансировании стратегически важных железных дорог в России. Эта банковская фирма очень активно участвовала и в колониальных гешефтах в Африке.

Таким выглядел жизненный путь «невесты» «Немецко-

го банка». Вступая в союз, к слову сказать недолговечный, с «Немецким банком», «Дисконто» принесла «жениху» кучу внебрачных детей — «Северогерманский банк» в Гамбурге, кельнский «Шаафхаузенферейн», «Рейнский кредитный банк» в Мангейме и расположенный там же «Зюддойче дисконто гезельшафт». Эти дочерние общества «Дисконто гезельшафт» сосредоточивали в своих руках огромную финансовую мощь. Но и сам «жених» не ударил лицом в грязь. Ко дню «свадьбы» «Немецкий банк» контролировал 8 из 15 ведущих концернов Германии.

От слияния выиграли и тот и другой. Основной капитал «Дисконто» увеличился, например, в скором времени с 250 до 385 млн. марок. Директора нового финансового объединения, получившего наименование «Де-Ди-банк» («Дойче унд Дисконто банк»), могли теперь диктовать свои условия хоть самому господу богу. Во всяком случае, внутри Германии у «Де-Ди-банка» не оказалось конкурентов. Ближайшие по мощи банки — «Дрезденский» и «Коммерческий» — были по меньшей мере вдвое слабее новой монополии. Куда им было тягаться с «Де-Ди-банком»!

Неудивительно, что «Де-Ди-банк» оказался в числе тех немногих германских монополий, которые сумели сконцентрировать все резервы и выдержали страшный кризис 1929 г., когда обанкротились тысячи средних и крупных фирм, не говоря уже о мелкой рыбешке. 1711 акционерных обществ с совокупным инвестиционным капиталом свыше 17 млрд. марок остались без прибылей.

«Де-Ди-банк» также потерпел некоторый ущерб, ибо пострадали его «кровные» предприятия: у «ИГ Фарбениндустри» снизился акционерный капитал, акции «Ферейнигте штальверке» упали в цене до 15% их номинальной стоимости. Несколько повезло, правда, «Сименсу». В критический момент этот концерн получил от старых партнеров по картельным операциям из американских банков «Диллон, Рид К⁰» и «Нейшнл сити бэнк» заем на 25 млн. долларов.

Однако экономический кризис обернулся для «Немецкого банка» последующим огромным усилением его мощи. В 1929—1932 гг. многие небольшие кредитные институты Германии безропотно растворились в его чреве. Это позволило ему не только сохранить, но и значительно приумножить свои резервы.

Но в общем, по мнению «совета богов» Германии, экономическое положение страны было в высшей степени ненормальным. Где искать выход? Только в переводе эконо-

мики на рельсы милитаризации, с перспективой на «хорошую» войну с победным концом.

Промышленные магнаты делают ставку на национал-социалистскую партию, на фюрера Адольфа Гитлера. Именно благодаря их щедрой поддержке фашисты на выборах в рейхстаг 14 сентября 1930 г. собрали 5,6 млн. голосов, образовав крупную парламентскую фракцию. Гитлер открыто провозглашает планы перекройки европейских границ путем войны. Такой человек определенно устраивает монополистов.

Заметим, что финансовая олигархия Германии и раньше была равнодушна к коричневой братии. Стальной король Фриц Тиссен еще осенью 1923 г. предоставил нацистам 100 тыс. золотых марок. Дальше последовали регулярные финансовые поступления от других влиятельных промышленников Рура. Из первых 3 млн. марок, полученных Гитлером от монополистов, 400 тыс. приходились на подопечный «Немецкому банку» химический концерн «ИГ Фарбениндустри». Пачки банкнот поступали в кассы национал-социалистской партии от бывшего кайзера Вильгельма II, «принцев крови», великих герцогов. Щедрую финансовую поддержку оказывали НСДАП американские и английские монополии, рассматривавшие нацистов как единственную силу, способную «навести порядок» внутри Германии и тем самым надежно гарантировать крупные капиталовложения США и Англии в немецкой экономике. Финансистами Гитлера выступили в первую очередь те американские концерны и банки, которые были связаны с ведущими германскими концернами всякого рода соглашениями о разделе «сфер влияния». Приход фашистов к власти означал бы для обеих сторон новую эру в развитии «дружественных связей». Сам фюрер поклялся в том, что, если он станет рейхсканцлером, он признает и выплатит все иностранные долги Германии. Две трети этих долгов необходимо было возратить Соединенным Штатам.

США были не только главным кредитором. Американские прямые инвестиции составляли 40% всего иностранного капитала в Германии. Над немецкой экономикой нависла тень дяди Сэма.

Рейнские монополии, однако, не бездействовали. Восстановив с помощью зарубежных капиталов свой экономический потенциал, они снова устремились на мировые рынки. Германские коммерсанты появились в Азии, Африке, Латинской Америке. Еще осенью 1918 г., накануне капиту-

ляции, миллиарды марок были нелегально вывезены из Германии в ряд стран Европы и Латинской Америки, в традиционные центры немецкой коммерческой деятельности. Только в одной Швейцарии было укрыто 35 млрд. марок. Теперь эти огромные средства пригодились для развертывания новой экономической экспансии.

За океаном германские фирмы строили стратегически важные промышленные предприятия, устанавливали контроль над шахтами, банками, железными дорогами, авиалиниями, захватывали ключевые позиции в химической и тяжелой индустрии латиноамериканских стран. Аргентинская экономика, например, стала вотчиной концерна группы «Немецкого банка» «ИГ Фарбениндустри». Германское влияние в Южной Америке непрерывно расширялось. Под личиной всяких «советников» сюда проникали агенты абвера. Под прикрытием некоторых авиакомпаний, как, например, «Люфтганза», которую контролировал «Немецкий банк», офицеры рейхсверовской разведки создавали шпионскую сеть в Колумбии и одновременно прокладывали дорогу в экономику страны германскому капиталу.

К началу 30-х годов с помощью США и Англии в Германии был создан мощный военно-промышленный потенциал, позволивший в дальнейшем быстро вооружить вермахт. Немецкие монополисты уже вынашивали планы реванша — возвращения утраченных во время войны колоний. На совещании в дирекции «Немецкого банка» 26 мая 1930 г., где помимо банкиров присутствовали представители других германских концернов и государственного аппарата, рассматривался вопрос о будущей войне. В меморандуме, принятом на совещании, говорилось: «Необходимо стремиться к самостоятельной колониальной деятельности Германии... Отсталые в своем развитии народы Африки и некоторых других районов неспособны на самоуправление и еще долгое время будут нуждаться в руководстве и покровительстве европейских наций... Таким путем она (Германия.— Авт.) сможет расширить свою сырьевую базу... Наличие управляемых Германией колоний... обеспечит возможность поселения людей и улучшит сбыт продукции германской индустрии». Этот меморандум был направлен затем министерству иностранных дел Веймарской республики. Помимо вышесказанного он содержал прямые указания финансовых и промышленных магнатов о подготовке к захвату колоний.

Например, в пункте 6 говорилось:

«Для развертывания самостоятельной колониальной деятельности отныне необходимо активизировать внешнюю политику Германии».

Иными словами, финансовая олигархия приказывала правительству начать новую борьбу за передел мира. Как показали последующие события, германские монополии замыслили осуществить свои планы не только в заокеанских странах. Они стремились сделать своими колониями и целые республики Советского Союза. Во время второй мировой войны на временно оккупированной советской территории орудовала «группа германских колониально-экономических предприятий» во главе с «Немецким банком», а также «профессиональные» колониальные фирмы типа «Германской Восточноафриканской компании».

Тайные правители



Огромная финансовая мощь позволяла банковской монополии играть определяющую роль в политической жизни страны. В этом смысле «Немецкий банк» лишь продолжил традиции. Еще в конце прошлого века он контролировал имперский кабинет. Гешефты банка определяли внешнеполитический курс Германии. Достаточно вспомнить аферу с Багдадской железной дорогой. И каждый раз кайзеровское правительство послушно следовало в фарватере «Немецкого банка».

Вместе с Круппами, Стиннесами и Тиссенами «Немецкий банк» властвовал и в «либеральной» Веймарской республике. Все, что происходило в стране, во многом зависело от воли банка. Так, имперский кабинет Брюнинга существовал лишь за счет поддержки региональной группы «Немецкого банка», которую возглавлял один из директоров «Немецкого банка» и член правления могущественного «Стального треста» Отто Вольф. К этой группе, куда входили восемь крупных фирм, примкнули стальной воротила Клекнер, угольный магнат Зильберберг, влиятельный банкир Пфердменгес и др. Эта группа имела своих политических представителей в правительстве — католическую партию Центра, лидером которой был сам канцлер. Однако фактическим главой партии являлся член ее центрального правления, крупный акционер «Немецкого банка» Клекнер.

Одновременно Клекнер заседал в правлении «Немецкого банка» рядом с Вольфом, Зильбербергом и руководителем католической партии Центра в Рейнско-Вестфальской области обер-бургомистром Кельна Конрадом Аденауэром, который уже в то время примазался к финансовым богам. Свою преданность «Немецкому банку» этот хитрый рейнский политик, ставший впоследствии канцлером Западной Германии, сохранил на всю жизнь. Кстати, банкир Пфердменгес, примкнувший к группе Отто Вольфа, служил канцлеру Брюнингу финансовым консультантом; в этом качестве много лет спустя он продолжал служить и Аденауэру. Обладая такими «кадрами», группа Вольфа, а тем самым и «Немецкий банк» получали от правительства все, что хотели. Большая часть государственных субсидий, которые помогли крупным банкам и концернам выстоять в период экономического кризиса 30-х годов, досталась «Немецкому банку». Когда в годы кризиса положение группы «Немецкого банка» в «Стальном тресте» ухудшилось, кабинет Брюнинга «по совету» «Немецкого банка» приобрел по номиналу большой пакет акций треста (на 125 млн. марок) — по цене, в три раза превышавшей рыночную. У другого крупного акционера «Немецкого банка», Фридриха Флика, правительство приобрело контрольный пакет акций компании «Гельзенкирхенер бергверке» за 99 млн. марок, хотя его биржевая стоимость равнялась всего лишь 22 млн.

«Немецкий банк» воздействовал на кабинет и через концерн «ИГ Фарбениндустри». Член правления этого химического гиганта Вармбольд стал при Брюнинге министром экономики. Этот важный пост он сохранил и в кабинете фон Папена. Виднейший функционер «ИГ» Мольденхауэр заправлял министерством финансов. Уже второй раз «Немецкий банк» проталкивал своего человека на этот влиятельнейший пост (предшественником Мольденхауэра был директор «Немецкого банка» Карл Хельфферих). Кроме того, резиденты «ИГ Фарбениндустри» сидели в руководстве каждой буржуазной партии, представленной в государственном аппарате.

«Немецкий банк» тщательно взвешивал обстоятельства, связанные с выбором членов наблюдательных советов подчиненных ему предприятий, стремясь в первую очередь посадить туда людей, обладавших соответствующими связями с высшими органами государственного аппарата. Особенное внимание обращалось на это после 1933 г., когда в руках нацистов сосредоточилась необъятная власть.

Банк имел доверенного человека на посту статс-секретаря (заместителя министра) имперского министерства авиации. С Эрхардом Мильхом, как пишет немецкий историк Ганс Радант, «обсуждались самые секретные вопросы политики концерна». Генерал (а впоследствии фельдмаршал) Мильх являлся одним из военных посредников «Немецкого банка» в государственном аппарате. Услужливость его превосходительства становится понятной, если учесть, что до 1933 г. Мильх был членом правления германской авиакомпания «Люфтганза», в которой участвовал «Немецкий банк». Председателем наблюдательного совета этой компании был Эмиль Георг фон Штаус, заседавший одновременно в правлении «Немецкого банка» (позднее Штаус возглавил наблюдательный совет «Немецкого банка»). Как и Мильх, Штаус сделал в третьем рейхе недурную карьеру: он стал вице-президентом рейхстага и, как крупный представитель немецкого финансового капитала, оказывал большое влияние на распределение постов в государственном аппарате.

Со свастикой в сердце



Фон Штаус одним из первых в «Немецком банке» обратил внимание на Адольфа Гитлера. В то время как большинство членов правления банка поддерживало католическую партию Центра во главе с канцлером Брюнингом, фон Штаус устанавливал контакты с национал-социалистами. Уже в октябре 1930 г. он встретился с будущим фюрером. Гитлер вел себя перед финансовым магнатом заискивающе: он рассчитывал на поддержку «Немецкого банка». Фон Штаус обещал фюреру всячески содействовать вхождению национал-социалистов в правительство. Вместе с членами наблюдательного совета и главных комитетов банка Фрицем Бейндорфом, Эмилем Кирдорфом, Фрицем Шпрингорумом и Альфредом Ганиэлем Штаус организовал активную финансовую группу. Ее задачи — поддержать те круги крупной индустрии, которые объединились вокруг Фрица Тиссена и Ялмара Шахта. Эти финансовые магнаты особенно настойчиво требовали канцлерства Гитлера.

27 января 1932 г. в Индустриальном клубе в Дюссельдорфе происходит встреча Гитлера с элитой Рура. Буду-

ший фюрер произнес речь, выслушанную с громадным интересом. Гитлер обещал монополиям в гигантских масштабах увеличить «государственные инвестиции», «расширить сырьевую базу Германии» и создать «ряд новых отраслей экономики». Иными словами, фюрер предлагал вывести германскую экономику из кризиса за счет развертывания беспримерной гонки вооружений.

Восторг слушателей достиг апогея, когда оратор посулил концернам щедрые государственные кредиты.

Отныне нацисты могли больше не беспокоиться о своих финансах. В кассы НСДАП потекли регулярные пожертвования от крупных германских, а также иностранных монополий, заинтересованных в «установлении порядка» в Германии. Делалось это разными путями. Иногда деньги переводились на счет журналиста Вальтера Функа, бывшего редактора газеты «Берлинер берзенцайтунг». («Берлинская биржевая газета») и будущего министра экономики третьего рейха. В качестве сборщика Гитлера Функ «обслуживал» фирмы, входившие в группу «Немецкого банка», — «ИГ Фарбениндустри», «Стальной трест», табачный концерн «Реемтсма».

19 ноября 1932 г. благодетели фашистской партии направили президенту Гинденбургу ультиматум, требовавший передачи власти Гитлеру. В числе других его подписал и представитель финансовой группы «Немецкого банка» Фридрих Флик. В последующие недели происходили непрерывные совещания руководителей нацистской партии с адвокатами крупнейших монополистических групп Германии. 4 января 1933 г. Гитлер встречается с Тиссенем и Папеном в Кельне. А 30 января Гинденбург окончательно покоряется воле «совета богов» и назначает Гитлера рейхсканцлером Германии. Банковские и промышленные монополии торжествовали: их человек стоял у кормила власти.

Руководители «Немецкого банка» своеобразно отметили приход гитлеровцев к власти. Через несколько недель после 30 января они провели «аризацию» в правлении банка, изгнав оттуда лиц еврейской национальности. Вдохновителем этой акции был фон Штаус. За преданность фюреру и рейху Штауса «избрали» вскоре вице-президентом фашистского рейхстага. Так Гитлер благодарил людей, расчистивших ему дорогу к имперской канцелярии. Но это было лишь скромным началом.

Уже в июле 1933 г. крупные монополии получили нацистский подарок — закон «О принудительном картелиро-

вании», по которому мелкие предприятия обязывались «добровольно» раствориться в чреве крупных. 15 июля 1933 г. при министерстве экономики был создан так называемый «генеральный совет хозяйства», своего рода генеральный штаб монополий. Членами его стали 18 ведущих магнатов Германии, в их числе старейший акционер и партнер «Немецкого банка» Карл фон Сименс. Создание «совета» еще более повысило роль крупных монополий. Фактически эти 18 человек получили верховную исполнительную власть в германской экономике. Для полной гарантии финансово-промышленные воротилы приставили своего человека к самому фюреру. 13 июля 1933 г. экономический советник Кепплер получил должность личного заместителя Гитлера по экономическим вопросам. Теперь у монополий совсем были развязаны руки.

Мероприятия нацистов, естественно, коснулись и крупных банков — главных кредиторов индустрии. Им были возвращены акции, приобретенные государством за счет бюджетных ресурсов в кризисные годы, что спасло тогда банки от катастрофы. После банковского кризиса 1931 г. в руках государства оказалось 70% капитала германских банков. Фактически это обеспечивало контроль над большинством промышленных фирм, зависевших от банков. Доля государства в акционерном капитале «Де-Ди-банка» составляла 35%, в то время как его ближайшие конкуренты — «Дрезденский банк» и «Коммерческий банк» вынуждены были продать государству соответственно 91% и 70% своих акций. «Де-Ди-банк» снова оказался по меньшей мере вдвое сильнее ближайших по мощи банков.

Теперь же нацисты спешили преподнести монополиям миллиардные дары, возвращая им купленные акции. Таким образом, эти ценные бумаги, оплаченные рядовыми налогоплательщиками, тихо-мирно возвратились в банковские сейфы. «Немецкий банк» получил 55 млн. марок в акциях и снова обрел былую форму.

В 1937 г. банк сменил вывеску, опять став только «Немецким банком». Недолговечным оказался брак с «Дисконто гезельшафт». Последний тихо и незаметно растворился в чреве «Немецкого банка». Финансовая монополия тучнела от прибылей. Мероприятия нацистов в области экономики обернулись для нее даром небес. Особенно нажился «Немецкий банк» во время так называемой «аризации». Под этой вывеской финансовые и промышленные магнаты Германии провели операцию по поглощению «неарийских»

банков и заводов. Группа «Немецкого банка» — «Немецкий банк», концерны Ганиэля и Сименса совместно с другим крупнейшим банком рейха — «Дрезденским банком» «аризировали» банкирский дом Варбурга, захватив все его активы. Жертвой «Немецкого банка» стали также банк Мендельсона и банк Элимейера.

Расправившись с банками, финансовая группа «Немецкого банка» принялась за промышленные предприятия. Концерн «Сименс унд Гальске» захватил крупный пакет акций фирмы «Осрам». Концерн Маннесмана купил по дешевке восемь «неарийских» заводов; это позволило ему сразу удвоить свою продукцию. Фридрих Флик, крупный акционер «Немецкого банка», наложил руку на металлургический комбинат в Любеке, а затем вместе с «ИГ Фарбениндустри» разделил «неарийские» предприятия братьев Петшек. Эта грабительская операция принесла в сейфы «Немецкого банка» многие сотни миллионов марок. Экономическая мощь финансовой группы банка возросла еще больше.

Как и прежде, «Немецкий банк» стремился подчинить себе решающие звенья государственного аппарата. Опыта ему здесь не занимать. Через союзы предпринимателей и десятки различных организаций банк установил дружественные связи с наиболее влиятельными нацистскими чиновниками. Эмиссары банка и подвластных ему концернов пролезали во все учреждения и органы, где открывалась возможность прямо или косвенно участвовать в государственной политике. Это касалось не только министерств или, скажем, внешнеторговых организаций, но и учреждений, формально занимающихся вопросами культуры и искусства.

Так, все тот же фон Штаус использовал свое положение вице-президента рейхстага, чтобы стать президентом «Германского художественного общества». Сие почтенное заведение пропагандировало за границей «культуру» германского империализма. Оно находилось под опекой Геббельса, но существовало за счет ведомства Риббентропа, а также подконтрольных «Немецкому банку» компаний. Автомобильный концерн «Даймлер-Бенц» являлся посредником между «Немецким банком» и руководством НСДАП. Член правления концерна Якоб Верлин был личным поверенным Гитлера по вопросам автомобилестроения, а позднее занял важный пост генерального инспектора автомобильного дела Германии. Другим членом правления «Даймлер-Бенц АГ» был герцог Карл Эдуард Саксонско-Ко-

бургский и Готский. Одновременно герцог занимал пост члена наблюдательного совета «Немецкого банка».

Взглянем поближе на эти личности. Каковы, к примеру, были их обязанности? Из документов, обнаруженных после 1945 г., явствует, что Верлин старательно выполнял директиву «Немецкого банка». Он регулярно отчитывался перед правлением «Даймлер-Бенц АГ» и особенно перед председателем наблюдательного совета... фон Штаусом. Да, фон Штаус командовал и этим концерном. Помимо всего Верлину было поручено продавать нацистским бонзам лимузины фирмы «Даймлер-Бенц». Естественно, по «льготным» ценам, то бишь по самой дешевке. Это побуждало высокопоставленных клиентов принимать во внимание интересы «Даймлер-Бенц». В одном из своих отчетов Верлин писал, что гаулейтер Нюрнберга Юлиус Штрейхер предложил фирме предоставить единоличное право на организацию любой уличной рекламы на время намеченного здесь съезда национал-социалистской партии. Взамен предприимчивый нацист требовал подарить ему малолитражный кабриолет.

«Даймлер-Бенц» находил защитников своих интересов, а значит, и интересов «Немецкого банка» в органах государства и фашистской партии, что по существу было одно и то же. Как свидетельствует немецкий историк Г. Радан, «в особых случаях автомобили преподносились в качестве «подарка». Один такой «подарок» был преподнесен самому Герингу.

Располагая своими людьми в государственном аппарате, имперских и экономических группах, в руководстве гитлеровской партии, «Немецкий банк» мог рассчитывать на удовлетворение своих экспансионистских притязаний.

Особое внимание, как и прежде, банковский концерн уделял колониальным вопросам. 23 октября 1933 г. правление «Немецкого банка» представило Гитлеру свой план экспансии. В частности, там отмечалось, что «приобретение жизненного пространства для немецкого народа на Востоке не настолько быстро выполнимая задача, чтобы не подумать и о других районах, которые имели бы значение даже тогда, когда часть нашего народа обоснуется на Востоке. Ибо перенаселение у нас велико, и стремление жить в чужеземных условиях — отличительная особенность нашего характера».

Говоря о «народе», заправила банка имели, конечно, в виду себя. Что касается «стремления жить в чужеземных

условиях», то этим банкиры намекали фюреру, что они не прочь заполучить колонии и основательно их пограбить. «Жизненное пространство» нужно было не немецкому народу, а монополиям-грабителям, каковой и являлся «Немецкий банк».

Имперские притязания и... мошенничество



Свои разбойничьи замыслы банк с самого начала намеревался осуществлять с помощью грубой силы. Это совпало с планами нацистской партии и фашистского генштаба. Так же как и Гитлер, финансисты с берлинской Бэрэнштрассе были сильно заинтересованы в войне против Польши и Советского Союза. Ради этой «великой цели» банк готов был подождать с возвращением колоний. Однако подготовка к колониальной экспансии велась им усиленными темпами. Особенно усердствовал директор «Немецкого банка» Курт Вейгельт. Он возглавил группу «немецких колониально-экономических предприятий», получившую наименование «группа Деко». В документах того времени отмечалось, что ««Деко» вела практическую работу, чтобы быть подготовленной на случай возвращения колоний». Занимая одновременно пост экономического референта колониально-политического ведомства нацистской партии, Вейгельт мог выдвигать интересы «Немецкого банка» на передний план.

Крупные монополии стремились перетянуть на свою сторону влиятельных нацистов. Через Мильха «Немецкий банк» обрабатывал Геринга. Прежде всего банк добивался, чтобы его интересы представлялись с преимущественной пользой для подконтрольных ему фирм. Так, концерн «Даймлер-Бенц АГ», начавший в 1933/34 г. производство танков и авиационных моторов, получал через доверенных лиц в военных ведомствах и резидента «Немецкого банка» при Геринге Мильха прибыльные военные заказы. Представители военных ведомств, задобренные «Немецким банком», объявляли то или иное предприятие «Даймлер-Бенц АГ» «важным военным объектом» и заваливали его заказами. Так было, например, с мариенфельдским заводом «Даймлер-Бенц», выпускавшим танки и моторы. В одном только

1934/35 хозяйственном году этот завод дал, по официальным данным, около 800 тыс. марок чистой прибыли. Фактически же прибыль вдвое превышала эту сумму, ибо большая часть объявленного дохода в балансе была скрыта.

В секретной записке директора мариенфельдского завода Вольфганга фон Хентига председателю наблюдательного совета «Немецкого банка» фон Штаусу есть примечательная фраза: «1 870 000 марок, представленных для возобновления производства в Мариенфельде, почти полностью уже возмещены в 1934 году». Подобные аферы имели место на заводах «Даймлер-Бенц АГ» в Унтертюркхейме и Зиндельфингене, которые также были объявлены «важными военными объектами».

Чтобы обеспечить подопечным концернам большие экономические выгоды по сравнению с конкурентами, руководство «Немецкого банка» зачастую санкционировало мошеннические трюки. Все тот же директор мариенфельдского завода «Даймлер-Бенц» Вольфганг фон Хентиг докладывал в секретном послании фон Штаусу:

«Как только обнаружилась нехватка материалов, я лично направился к генералу Лизе (начальник управления вооружений сухопутных войск.— Авт.) и в присутствии начальника штаба полковника фон Ханнекена изложил, как обстоят дела на мариенфельдском заводе. Я умышленно обрисовал положение на ближайшие месяцы более угрожающим, чтобы это возымело должное воздействие...»

Подкуп, аферы, махинации приносили огромные прибыли. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Представители финансовой группы «Немецкого банка» стремились заполучить от имперского военного министерства и солидные кредиты. В результате дружественных бесед фон Штауса с генералом Кессельрингом и Мильхом имперское министерство авиации предоставило «Даймлер-Бенц АГ» кредит в сумме 1,6 млн. марок. В дальнейшем концерн также получал миллионные кредиты. Недурные субсидии имели и другие концерны, входившие в группу «Немецкого банка». Один мансфельдский концерн отхватил 321 млн. марок у имперского министерства экономики.

Руководители банка брали под защиту компании, уличенные в нечистых проделках. Машиностроительный концерн «Р. Шток унд К^о» извлекал солидные прибыли, ловко завышая цены на военную продукцию. Главное командование вермахта потребовало возратить миллион марок, однако концерн пустил в ход свои связи с «Немецким

банком» и не только вышел сухим из воды, но даже получил от военного ведомства благодарность за «изготовление особо важного снаряжения отличного качества». Главное командование вермахта впоследствии завалило «Р. Шток унд К^о» прибыльными заказами и даже взяло на себя выплату налога с оборота. Вот какие бывают удивительные истории!

Впрочем, и сами руководители «Немецкого банка» проворачивали аферы почище. Так, банк всячески затушевывал свое всеобъемлющее господство в экономике Германии. «Немецкий банк» советовал своим постоянным клиентам приобретать акции именно тех предприятий, где он хотел бы расширить сферу влияния или полностью подчинить их своему господству. Таким образом, в руках банка незаметно концентрировался огромный капитал, намного превышавший его собственный. Это давало банку право решающего голоса на общих собраниях акционеров, хотя, по существу, банк являлся не собственником, а лишь распорядителем акций. Так «Немецкий банк» осуществлял право главного акционера, не будучи им на самом деле. Это обстоятельство, впрочем, всячески скрывалось.

В результате банк установил свой контроль над множеством предприятий самых различных отраслей промышленности, над источниками сырья в самой Германии и за рубежом. Вот характерный пример: на общем собрании акционеров фирмы «Электрише лихт унд крафтанлаген АГ» «Немецкий банк» располагал 219 001 голосом из общего количества 302 809, т. е. 72,3% всех голосов, не имея при этом в кармане ни единой акции. Зато он представлял солидный капитал своих акционеров: депонированные акции филиалов, акции, переданные ему для представительства 30 другими банками и концернами, всего на сумму 21 900 100 марок.

Хитроумная банковская механика империализма давала простор для любых афер. «Всякие правила контроля... учреждения надзора и т. п. ...не могут тут иметь никакого значения», — отмечал еще В. И. Ленин¹.

На общем собрании акционеров автомобильной фирмы БМВ («Байерише моторенверке АГ»), состоявшемся 19 марта 1932 г., присутствовавшие здесь директора «Немецкого банка» фон Штаус, фон Левинский, Вейль располагали более чем 52% всех голосов. В уже упомянутом кон-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 348.

церне ДЕА («Дойче Эрдоль АГ») «Немецкий банк» властвовал через возглавляемый им банковский консорциум (временный союз нескольких банков), представляя около 56% всех голосов и акций и не обладая... ни одной собственной акцией. Банк лишь представлял чужую собственность и акции, переданные ему по доверенности. Точно так же выглядела картина на общих собраниях фирмы «Даймлер-Бенц АГ», общества «Кали-хеми АГ», концерна «Маннесманн-Рёнверке АГ».

Так банкиры расширяли сферу своего влияния. Обладая большинством голосов на общих собраниях, «Немецкий банк» без труда формировал удобные ему наблюдательные советы. В перечисленных выше фирмах ставленники банка занимали даже посты председателей наблюдательных советов. А ведь это далеко не полный перечень концернов, в которых господствовал «Немецкий банк»! «Мы не хотим отказываться от права голоса по депонированным ценностям,— говорилось в секретном циркуляре «Немецкого банка»,— ибо в противном случае может появиться... опасность возникновения случайного большинства со всеми непредвиденными последствиями и деятельность владельцев акций, которая сейчас, как никогда, должна быть направлена на укрепление военной экономики, будет осложнена. Но нам представляется нецелесообразным обращать на себя особое внимание в списках акционеров общих собраний слишком большими цифрами».

«Мой друг Гиммлер»



Как видно, заправила банка не нуждались в рекламе своего могущества. Их больше волновала проблема военной экономики, закупки в других странах стратегически важных материалов на валюту, которую добывал отдел «зарубежных связей» банка. Не будет преувеличением сказать, что «Немецкий банк» сыграл определяющую роль в экономической подготовке фашистской Германии ко второй мировой войне. Еще летом 1933 г. представители фирм «Хеншель» и «Рейнметалл», финансируемые «Немецким банком», провели секретное совещание с руководителями третьего рейха о разработке новых типов танков. Спустя несколько месяцев правление концерна «ИГ Фарбениндустри», в котором также господствовал банк, предложило

Герингу четырехлетний план развития германской химической промышленности в военных целях, который был с благодарностью принят. «ИГ Фарбениндустри» и «Сименс», гиганты химической и электротехнической индустрии, являлись главными поставщиками вооружения и боеприпасов для вермахта. Производство военной продукции в этих фирмах непрерывно расширялось. К 1939 г. обороты «ИГ Фарбениндустри» достигли фантастической цифры — 3,116 млрд. марок, а «Сименс унд Гальске» — 1,100 млрд. марок. С конвейеров подконтрольного «Немецкому банку» концерна «Даймлер-Бенц АГ» сходили танки, которым вскоре предстояло утюжить поля Европы. Концерн БМВ выпускал для гитлеровского вермахта автомашины и мотоциклы. Фирма ДЕА и «ИГ Фарбениндустри» снабжали горючим люфтваффе, военно-морской флот и танковые войска. В лабораториях ИГ были разработаны смертоносные газы для массового уничтожения людей. Директора «Немецкого банка» знали об этом и молчали, ибо немалая часть доходов с производства этой продукции шла в их собственные карманы.

1937 год стал знаменательным годом в истории «Немецкого банка». В его руководстве произошли изменения, открывшие новую эру — эру Германа Абса. Того самого, о ком 30 лет спустя западногерманский журнал «Шпигель» скажет: «Морщинки на лбу Абса решают судьбу миллионных кредитов и предпринимателей».

36-летний новый член правления «Немецкого банка», обладающий холеной внешностью и прекрасными манерами, как делец мог бы потягаться с самыми ловкими финансистами рейха. Уже тогда Абс теснее сроднился с духом и сущностью денег, чем большинство его коллег. Расчетливость была у него в крови. Несколько биографических сведений.

Начало, казалось, не предвещало блестящей карьеры. Сын судебного советника, владельца небольших буроугольных копий, Герман Абс решает посвятить себя профессии адвоката и поступает на юридический факультет Боннского университета. Но наука скоро надоедает ему. Юный Герман обнаруживает пристрастие к бухгалтерии. Во сне ему видятся горы шелестящих банкнотов. Но чаще Герману Абсу снится он сам, восседающий в директорском кресле солидного берлинского банка. Абс-юниор доверяет свои сокровенные грезы отцу, ставшему тем временем членом правлений и наблюдательных советов ряда рейнских фирм.

Иозеф Абс направляет свое чадо в соседний Кельн подучиться банковскому ремеслу. Благодаря отцовским связям Герман быстро проходит стажировку и в 1923 г. отправляется на практику за границу. Париж, Лондон, Нью-Йорк, Амстердам... Молодой Абс жадно внюхивается в биржевую атмосферу мировых столиц, вращается в кругу прожженных маклеров, постигает искусство финансовых манипуляций. Всюду его сопровождает успех, всюду он чувствует себя как дома. Он желанный гость в салонах, обаятельный собеседник и добрый немец.

Как пишет западногерманский экономист К. Прицколейт, молодой Герман Абс «был одарен безошибочным инстинктом к подлинной власти и воодушевлен волей добиться ее любой ценой». И впрямь, у Абса недурной инстинкт. Едва возвратившись в Германию, он женится. И не на ком-нибудь, а на родственнице влиятельных кельнских банкиров Шнитцлеров. Это обеспечило ему дружбу со сложным переплетением рейнских семейств, находившихся в родстве друг с другом и господствовавших в тамошней экономике. А отсюда уже вела столбовая дорога к «подлинной власти».

В 28 лет Абс расстается с милым Кельном и делает «марш нах Берлин». Осуществляется голубая мечта детства: перед ним распахиваются двери солидного банкирского дома «Дельбрюк, Шиклер унд К⁰», того самого, что был одним из учредителей «Немецкого банка». Владельцам «Дельбрюк, Шиклер унд К⁰» известно, что Абс недурно проявил себя на службе в кельнском филиале их банка. Банкиры знают и о родственных связях Абса с рейнскими концернами. А это весьма важно: «Дельбрюк, Шиклер унд К⁰» ведет там свои дела. Короче, Герман пришелся ко двору.

У Дельбрюков Абс провел восемь лет: шесть — в качестве одного из ведущих сотрудников, два последних года — уже как совладелец банка. Покровители Абса не ошиблись: их протеже обнаружил недюжинные финансовые способности. В «Дельбрюк, Шиклер унд К⁰» ему, и лишь ему одному, доверили крупные операции с фондовыми ценными бумагами для «человека из легенды» — Филиппа Реemtсма. Этот владелец огромной табачной монополии являлся в то же время крупнейшим акционером «Немецкого банка». Не исключено, что именно Реemtсма выдвинул затем 36-летнего банкира Абса в правление этого сильнейшего банка третьего рейха. Возможно, Реemtсма первым учуял и другие, скрытые дарования Абса: фанатическую пре-

данность «идеям» фюрера, огромное властолюбие, непомерную жестокость.

Так или иначе, Абс очутился вскоре в «святая святых» — «Немецком банке». Именно здесь суждено было пробудиться его «дополнительным» талантам. Член правления и шеф отдела «зарубежных связей» Абс становится финансовым дипломатом фюрера. Он совершает вояжи по странам Европы и Америки, пропагандируя нацистский режим и его экономическую мощь, а заодно выколачивая для рейха дефицитную валюту. Это способствовало развитию дружественных контактов Абса с фюрером имперской экономики и президентом рейхсбанка Вальтером Функом. Тем самым, что собирал для Гитлера деньги, пожертвованные концернами группы «Немецкого банка». Кстати, представители этих концернов вошли в так называемый «круг друзей рейхсфюрера СС». Это было интимное содружество промышленников и банкиров с обер-палачом Европы Гиммлером.

Эсэсовский фюрер был заинтересован в поддержке крупных монополий, чтобы еще больше упрочить свое влияние в третьем рейхе, а заодно и пополнить кассы СС. Со своей стороны предприниматели считали особой честью быть членами «круга», ибо Гиммлер сосредоточивал в своих руках гигантскую власть и фактически был вторым, после Гитлера, диктатором Германии. Такая «дружба» служила недурным обеспечением собственных экономических и политических интересов членов «круга». В благодарность финансовые и промышленные тузы платили звонкой монетой. Подсчитано, что с 1936 г. «круг друзей рейхсфюрера СС» жертвовал на пользу «шутцштаффельн» (охранных отрядов СС) по миллиону марок в год. Среди благодетелей СС были представители концернов «ИГ Фарбениндустри», «Сименс», «Миттельдойче штальверке», «Ферейнигте штальверке» и сам «Немецкий банк». В «кругу друзей» его представлял член правления банка д-р Карл фон Хальт. С благословения руководства банка фон Хальт делал щедрые взносы в кассы эсэсовцев — в среднем 75 тыс. марок в год.

Эти дары оказались не напрасными. Уже после первой разбойничьей акции гитлеровцев — оккупации Австрии «Немецкий банк» получил при поддержке Гиммлера дивиденды — «Кредит-анштальт-банкфэрейн» (венский «Кредитный банк»), контролировавший почти всю химическую, металлургическую и угольную промышленность Австрийской республики, а через его дочерние предприятия — многие фир-

мы в Центральной и Южной Европе. В благодарность за финансовую поддержку, которую еще до 1933 г. оказывали НСДАП подконтрольные «Немецкому банку» фирмы, гитлеровское государство возложило на «Немецкий банк» функции центральной координирующей организации по ограблению захваченных европейских стран.

Главенствующую роль внутри самого банка стал играть отдел «зарубежных связей», возглавляемый Германом Абсом. Именно здесь проявился его «финансовый гений». Абс заботился прежде всего об интересах концернов, где господствовал банк. Так, «ИГ Фарбениндустри» получила после насильственного аншлюса Австрии химический трест «Пульверфабрик Шкодаверке Ветцлер», а затем и все другие предприятия австрийской химической промышленности. Банк давал прямые заявки на те или иные объекты в различных странах Европы, преследуя свои определенные экономические цели. «ИГ Фарбениндустри» интересовалась химическими заводами. Она получила эти заводы. Флик бредил сталеплавильными предприятиями — банк включал их в свои заявки. «Сименс» остерегался конкурентов — «Немецкий банк» делал так, чтобы «Сименс» первым наложил руку на важнейшие электротехнические предприятия оккупированных стран. В общем, «Немецкий банк» с легкостью выполнял пожелания своих подопечных концернов. Оно и понятно: захватывая иностранные банки, эта монополия-грабитель захватывала и подконтрольные этим банкам предприятия — заводы, фабрики, рудники, источники сырья. Так, захватив в Австрии венский «Кредитный банк», «Немецкий банк» фактически установил контроль над всей экономикой страны и распоряжался ею по своему усмотрению. Например, всю австрийскую химическую промышленность банк передал концерну «ИГ Фарбен».

Эмиссары «Немецкого банка» шли в арьергарде моторизованных колонн вермахта. Они спешили опередить конкурентов, первыми получить добычу. Грабеж оккупированных стран вообще был составной частью гитлеровских планов мирового господства. Грабили все: нацистское государство, специальные организации, действовавшие по непосредственному указанию Гитлера, Геринга и Розенберга, гаулейтеры и генералы вермахта и, конечно, крупные монополии. В рейх тянулись поезда с золотом, платиной, серебром, с произведениями искусства и другими ценными грузами. «Немецкий банк» активно участвовал в разграблении национальных богатств захваченных стран.

Оккупирована Чехословакия. Эсэсовцы «облегчают» «Чехословацкий национальный банк» на 23 тыс. кг золота. «Немецкий банк» прикарманивает влиятельный «Бемише юнионбанк» («Чешский объединенный банк»). Эта добыча не хуже золота: она дает контроль над важнейшими отраслями чехословацкой индустрии. Затем повторяется австрийский вариант: «Немецкий банк» передает «ИГ Фарбен» фирму «Аусигер фэрейн» — четвертую по величине химическую компанию Европы. «Сименс» получает ряд крупных предприятий электротехнической индустрии. Это значительно усиливает военно-промышленный потенциал рейха. Австрийская и чехословацкая военная промышленность, контролируемая финансовой группой «Немецкого банка», начинает работать на фашистский вермахт. В красивом особняке на берлинской Бэренштрассе эксперты отдела «зарубежных связей» «Дойче банк» внимательно изучают карту Восточной Европы, штудируют экономические справочники Югославии, Польши, Советского Союза.

Ни для кого уже не тайна, что вторая мировая война может вспыхнуть со дня на день. Вермахт, оккупировав Чехословакию, с трех сторон блокировал Польшу. Руководители подконтрольных «Немецкому банку» концернов, жаждавшие сверхприбылей, торопили Гитлера с развязыванием войны. Финансовые и промышленные магнаты требовали начать с Польши, с грабежа польских национальных богатств. В апреле 1939 г. генеральный уполномоченный по вопросам химической промышленности, член наблюдательного совета «ИГ Фарбениндустри» и наблюдательного совета «Немецкого банка» Краух потребовал от фашистского правительства... Польшу. Свои притязания он обосновывал, в частности, тем, что «экономическое пространство Германии недостаточно для полного удовлетворения военной экономики минеральным горючим» и что «единственная обнадеживающая возможность состоит в том, чтобы присоединить территории с запасами минерального горючего».

Нацисты не заставили себя долго упрашивать. Пожелания монополий совпадали с их собственными целями — установлением «нового порядка» в Европе, а затем и во всем мире, превращением цивилизованных европейских стран в сырьевой придаток «Великой Германии». В 4 часа 45 минут 1 сентября 1939 г. залпы немецкого линкора «Шлезвиг-Гольштейн», стоявшего на данцигском рейде, возвестили о начале кровавой драмы, которая стоила человечеству

50 млн. жизней. В кабинетах финансовых и промышленных заправил Германии эта страшная весть была встречена криками восторга. Ведь для монополий война значила колоссальное расширение производства военной продукции, новые источники сырья, новую добычу. Особо благоприятно это сказалось на гешефтах «Немецкого банка». В оккупированных странах и странах-сателлитах он захватил все более или менее значительные финансовые институты: в Люксембурге — «Генеральбанк», в Румынии — «Банка коммерчала романа», в Голландии — «Г. Альбер де Бари эн К^о», в Греции — «Банк националь», в Болгарии — «Кредитбанк», в Югославии... О похождениях «Немецкого банка» в этой балканской стране следует рассказать чуть подробнее.

В 1937 г., когда в правление банка вошел Герман Абс, Югославия уже была объектом повышенного интереса промышленников и финансистов рейха. Концерн «Мансфельд АГ», где господствовал «Немецкий банк», зарился на крупнейшие в Европе медные месторождения в Боре, находившиеся в то время в руках французских фирм. За три дня до нападения на Югославию генеральный директор «Мансфельд АГ» Шталь уведомил высоких нацистских чиновников о претензиях своего концерна. В частности, Шталь сообщил статс-секретарю Ландфриду, что «Мансфельд АГ» по согласованию с бригаденфюрером СС Циммерманом и обергруппенфюрером СС Нейгаузенем предоставит своих экспертов, «которые в случае военных событий в Югославии смогут взять на себя временное руководство предприятиями в Боре».

Так оно и произошло. А в кулуарах «Немецкого банка» в Берлине Абса поздравляли с очередной успешной «операцией».

Грабители и шпионы



Шеф отдела «зарубежных связей» и член правления банка Абс лично не давил танками женщин, не поджигал дома, не вешал патриотов. Зато бензин для танков и зажигательную смесь для зондеркоманд изготавливали на предприятиях подконтрольного Абсу концерна «ИГ Фарбениндустри». Сам Абс организовывал и координировал грабеж национальных богатств на захваченных «восточных терри-

ториях», куда гитлеровцы относили и страны Юго-Восточной Европы.

Сотрудники американской военной администрации, расследовавшие после войны преступления, совершенные германскими монополиями, так писали в своем отчете о деятельности «Немецкого банка» в период фашистского господства в Европе:

«Немецкий банк действовал как головная инстанция германского правительства и служил экономическому проникновению в страны-сателлиты и оккупированные страны Европы». Мозгом этой «головной инстанции» был отдел «зарубежных связей», возглавляемый Абсом. 17 июня 1941 г. Абс выступил в имперской экономической палате с планами создания «Большой Европы» во главе с «Великой Германией». В присутствии личного представителя Гитлера директор «Немецкого банка» изложил наиболее важную мысль: «единая европейская экономическая и торговая политика» возможна после полной оккупации и ограбления Восточной и Юго-Восточной Европы.

От слов — к делу. Абс стал одним из организаторов так называемого «Русского комитета», в функции которого входило ограбление временно оккупированных областей СССР и некоторых других восточноевропейских государств, в том числе и Югославии. Здесь «Русский комитет» грабил столь «эффективно», что югославский суд после войны приговорил Абса к 15 годам тюрьмы. В ходе следствия, в частности, выяснилось, что директор «Немецкого банка» лично участвовал в финансировании карательных отрядов усташей — югославских фашистов.

Операция на Балканах была лишь скромным началом. Особенно развернулся «Русский комитет» после 22 июня 1941 г. Он направляет на Кавказ группу специалистов из упомянутой фирмы «Мансфельд АГ». Этому концерну были отданы на откуп «восточные территории». Фашистские эксперты были в восторге от богатств Кавказа. Особенно большое впечатление производила на них нефть.

Еще до войны в Германии была учреждена специальная фирма — «Континентальная нефть», в задачи которой входило «исследование и разработка нефтяных месторождений на Востоке». Одним из учредителей этой фирмы являлось акционерное общество «Дойче Эрдоль АГ». Специалисты из «Дойче Эрдоль АГ» также побывали на Кавказе. Однако дело не выгорело. Вермахту пришлось спешно драпать с Кавказа.

На оккупированных территориях СССР «Немецкий банк» намеревался использовать свой богатый колониальный опыт. С этой целью были созданы специальные колониальные компании и даже привлечены эксперты по «африканским делам». Фашистские колонизаторы отличались неуемным аппетитом. Так, «Германская Восточноафриканская компания» (группа «Немецкого банка»), оказавшаяся не у дел в виду отсутствия колоний в Африке, устремилась на просторы России. «Русский комитет» выделил ей 2 тыс. кв. км пахотных советских земель. Кроме того, «Германская Восточноафриканская компания» получила единоличное право распоряжаться чайными плантациями в районе Северного Кавказа.

Но «Немецкий банк» не только распределял добычу среди концернов своей группы. Через отдел «зарубежных связей» он успешно торговал награбленными ценностями на нейтральных биржах. Полученная им валюта использовалась затем нацистами для закупки за границей стратегически важных материалов.

Забываясь о казне рейха, Герман Абс помнил и о собственном кармане. Прибыли от грабежей, конфискаций, «аризаций» сливались с прибылями от десятков предприятий, где Абс заседал в наблюдательных советах.

Это противоречило даже самим нацистским законам, но для директора могущественного «Немецкого банка» было сделано исключение. Имперское министерство юстиции с согласия имперского министерства экономики специальным декретом разрешило Абсу и другим директорам банка иметь в наблюдательных советах акционерных обществ свыше 20 мест. Уж больно хорошо Абс помогал нацистам! Нет ничего удивительного, что он стал обладателем более 40 мандатов, дававших деньги и власть. Как правило, Абс заседал в концернах, наживавшихся на поставках вооружений вермахту. А его коллеги? 54 директора и члена наблюдательного совета «Немецкого банка» заняли 707 руководящих постов во всех крупных концернах, работавших на войну. Почти все эти фирмы прямо или косвенно уже ранее были связаны с «Немецким банком». Так что банкиры получили возможность осуществлять непосредственный контроль над процессом производства в этих концернах. Только в органах наблюдательного совета огромного угольного и стального концерна «Маннесман» сидело 30 представителей банка. А ведь, в свою очередь, «Маннесман» господствовал над 328 предприятиями тяжелой индустрии!

Многие подвластные банку фирмы широко использовали даровой труд узников фашистских концлагерей. Однако это не волновало расчетливых финансистов. Они старались не замечать, как на предприятиях концерна «Гланцштоф АГ», который контролировался банком, до истощения эксплуатировались дети из «восточных областей», как на заводах концерна «Сольвей», где также господствовал банк, узников и иностранных рабочих, насильственно пригнанных в Германию, доводили издевательствами до смерти. На заводах Флика нечеловеческой эксплуатации подвергалось свыше 40 тыс. таких рабов. Предприятия «Сименса» использовали рабский труд 78 тыс. иностранных рабочих и 27 тыс. военнопленных — узников Гимmlера. Некоторые из концлагерей целиком работали на «Сименс». В этом отношении наблюдалась даже конкуренция. Ведущие германские монополии старались заполучить для себя максимум рабов. Преуспевал тот, кто являлся другом Гимmlера. Концерн «ИГ Фарбениндустри», регулярно финансировавший рейхсфюрера СС, взял на откуп крупнейший в рейхе концлагерь Освенцим (Аусшвиц). Десятки тысяч узников прошли через ад концерна (ИГ построил здесь свой филиал). За поставки заключенных эта химическая монополия только за два с половиной года выплатила СС свыше 20 млн. марок. Зато доходы концерна увеличились за это же время в 3,5 раза. Немалую часть этих кровавых денег получил член наблюдательного совета «ИГ Фарбениндустри», директор «Немецкого банка» Герман Абс. Он недурно нажился и на поставках СС отравляющих газов, которые в большом ассортименте выпускались на предприятиях «ИГ». Миллионы узников Освенцима, Биркенау, Майданека, Бухенвальда, Дахау, Люблина и других лагерей смерти были удушены этими газами. За годы войны хозяйственное управление СС, в чьем ведении находились концлагеря, а следовательно, и газовые камеры, выплатило концерну «ИГ Фарбениндустри» миллионы марок. На долю члена наблюдательного совета ИГ Абса снова перепал немалый барыш.

«Немецкий банк» не только участвовал в преступлениях против человечества, но и наживался на них. В 1942 г. прибыли банка составили 60 млн. марок, в 1943 г. — 53 млн. марок. Война благоприятно отразилась и на его активах: с 1938 по 1944 г. активы банка поднялись с 3,7 млрд. марок до 11,4 млрд.

К концу войны банк и связанные с ним концерны не-

слыханно обогатились. Балансовая сумма «Немецкого банка» перевалила за 15 млрд. марок. Обороты «Сименса», поставлявшего, в частности, хозяйственному управлению СС электрооборудование для газовых камер, превысили 1,5 млрд. марок. Как тут не вспомнить слова Ленина о том, что для человечества «война — ужасная вещь», а для кучки магнатов — «ужасно прибыльная вещь»!

Финансовая группа «Немецкого банка» не имела себе равных по мощи. Еще бы, ведь в нее входили самые видные магнаты тяжелой индустрии. В орбите банка вращались текстильные бароны, короли фармацевтики, бумаги, алюминия. В операциях финансовой группы «Немецкого банка» активно участвовала и настоящая аристократия — герцоги, графы, бароны. Герцог Адольф Фридрих фон Мекленбург возглавлял наблюдательный совет берлинского «Экспортно-кредитного банка» — дочернего предприятия «Немецкого банка». Сие учреждение занималось эффективным грабежом «восточных территорий» и выступало в качестве «финансового агента» министерства экономики при фашистской военной администрации на захваченных польских и советских землях — в «рейхскомиссариате Украина», «Остланде» (Прибалтика) и «генерал-губернаторстве» (так оккупанты окрестили Польшу).

«Экспортно-кредитный банк» использовал в своей деятельности давние связи «Немецкого банка» с верховным командованием вермахта. Некоторые гитлеровские генералы являлись доверенными лицами «Немецкого банка». К слову, почти каждая крупная монополия рейха имела «своего» генерала. Однако концерны финансовой группы «Немецкого банка» преуспели здесь особо. Фридрих Флик завербовал генерал-лейтенанта Вальтера Виттинга, занимавшего важный пост «генерального инспектора по сбору и использованию сырья в оккупированных восточных областях». Виттинг представлял интересы четырех фирм концерна Флика и получал за это тысячу марок в месяц. Генерал отработывал эти деньги «честно». Он «устроил» Флику заводы в Днепропетровске и Ворошиловграде и ряд других советских предприятий.

Другой гитлеровский генерал, Готье, представлял интересы концерна «ИГ Фарбениндустри» в Югославии и получал за это тоже тысячу марок. Так с помощью генералов вермахта «Немецкий банк» хозяйничал на захваченных территориях.

В свою очередь генералитет, его военная разведка —

абвер охотно прибегали к услугам финансовой группы «Немецкого банка».

Со временем ей была отведена важная роль в системе разведывательной службы рейха. Особое значение имело так называемое «бюро НВ-7» концерна «ИГ Фарбениндустри». Это бюро специализировалось на шпионаже за рубежом. Через филиалы в десятках стран мира «ИГ Фарбениндустри» создала в сотрудничестве с абвером опорные пункты военного и экономического шпионажа. Концерн покрыл шпионской сетью всю Латинскую Америку. Его агенты успешно действовали и в самих Соединенных Штатах. Информация, стекавшаяся в «бюро НВ-7», передавалась затем на Тирпицфер в Берлине, где располагалась резиденция адмирала Канариса, начальника разведки.

Другой концерн финансовой группы «Немецкого банка» — «Сименс унд Гальске» сотрудничал не только с абвером, но и с эсэсовской разведывательной службой. Опорными пунктами шпионажа стали зарубежные филиалы концерна. «Специалисты» из «Сименс унд Гальске» организовывали диверсионные и террористические группы в Иране, чтобы потом забросить их на территорию Советского Союза — в Азербайджан, Туркменистан, на нефтяные промыслы Баку. Прикрываясь коммерческой вывеской, эти диверсанты создали в различных районах Ирана тайные арсеналы оружия и боеприпасов. Только в одном пункте Северного Ирана им удалось сосредоточить свыше 50 т взрывчатки. Эти арсеналы смерти были приготовлены для банд, которым предстояло совершить в Иране профашистский переворот. Имперская служба безопасности (СД), на которую была возложена вся операция, использовала услуги директора представительства концерна в Тегеране фон Радановича и его помощника Кевкина.

Оно и понятно. У большинства руководителей зарубежных филиалов «Сименс унд Гальске» был неплохой послужной список. В Испании они подготавливали франкистский мятеж. В Буэнос-Айресе директор аргентинского филиала концерна майор фон Шуберт «работал» над планами установления в Аргентине пронацистской диктатуры. Агенты «Сименса» орудовали по всей Латинской Америке. Деятельность сих «почтенных» коммерсантов координировали не только абвер и СД, но и отдел «зарубежных связей» «Немецкого банка», возглавляемый Абсом.

Когда один из ближайших подручных Канариса, Пикенброк, ушел из главного управления абвера, руководство

банка незамедлительно было поставлено об этом в известность. Цитируем письмо Пикенброка директору «Немецкого банка» Герману Абсу:

«Я покидаю свой нынешний пост и вскоре уезжаю из Берлина, получив командную должность на фронте. Я испытываю потребность выразить Вам благодарность за ценное сотрудничество с моим учреждением. Я всегда сохраню приятное воспоминание о личном и служебном сотрудничестве с Вами. Пользуюсь настоящим случаем, чтобы просить Вас об оказании такого же содействия моему преемнику подполковнику генштаба Ганзену».

В ответ на это почтительное послание Абс писал: «Я благодарю Вас за Ваше дружеское письмо от 15 марта. Разрешите передать Вам мои поздравления по поводу Вашего фронтового назначения. Я охотно и в любое время предоставлю свои услуги в распоряжение Вашего преемника герра подполковника генштаба Ганзена и просил бы Вас откомендовать меня герру подполковнику Ганзену. С сердечным приветом. Хайль Гитлер!

Преданный вам

Герман Абс

22 марта 1943 года».

Как видно, обе стороны были в восторге друг от друга. Но вряд ли кандидатура Абса нуждалась в рекомендации. О его склонностях к темным аферам были хорошо осведомлены в абвере.

Новые благодетели



Грабеж чужих богатств, использование рабского труда, интриги, заговоры, террор — таковы были методы деятельности группы «Немецкого банка».

Эта финансовая мафия была уверена в своей безнаказанности. Но наказание все-таки последовало. Хотя, к сожалению, далеко не то, которого эти банкиры-преступники заслуживали. 22 апреля 1945 г. «Немецкий банк» отмечал свое 75-летие. В тот день в Берлине собрались члены наблюдательного совета. Это было и юбилейное, и последнее заседание.

Сводки с фронтов свидетельствовали об агонии «тысячелетнего рейха». Собравшиеся подсчитывали потери: по ту

сторону Одера и Нейсе осталось 45 филиалов с 2200 служащими; в той части Германии, которая, по всей видимости, будет оккупирована советскими войсками, находилось 30 филиалов с 1600 служащими. Сюда же надо приплюсовать потерю награбленного имущества за границей; списать «участие» в «Банке коммерчала романа», «Бемише унионбанк» в Праге, «Генераль-банк Люксембург АГ», торговом банке «Г. Альберт де Бари К^о» в Амстердаме, «Кредит банке» в Софии и в венском «Кредит-анштальт-банк-фэрейн».

Члены наблюдательного совета «Немецкого банка» с грустью констатировали, что придется вернуть захваченные банки их владельцам, а свои экспансионистские планы отложить до лучших времен. В том, что такие времена настанут, банкиры не сомневались. Следует лишь переждать, забиться в уютную дыру. Так многие и сделали.

Герман Абс за два дня до взятия Берлина Советской Армией бежит на запад, надеясь скрыться там от заслуженного возмездия. Действительно, в британской зоне оккупации, куда он вначале попадает, с ним не случается ничего дурного. Неприятности начались с американцев, которые под горячую руку занесли многих германских промышленников и банкиров в списки военных преступников. Имя бывшего члена правления «Немецкого банка» Германа Абса числилось в этих списках под номером А31/110. Но как говорится, бумага все выдержит. В списки военных преступников Абса занесли, а вот судить что-то медлили. Долгие месяцы между чиновниками британской и американской оккупационных зон шла нудная переписка. Американцы вроде бы хотели вызвать директора «Немецкого банка» на допрос. Британская военная администрация вроде бы не возражала, но не отпускала Абса. Тем временем виновник спора преспокойно удалился в свое поместье Бентгерхоф, близ Ремагена, и стал ожидать, когда новым властям Западной Германии понадобятся его услуги. Он хоть и гневался, но не падал духом. А к этому были все основания.

Хотя над всеми крупными немецкими банками тяготело тяжелое обвинение в соучастии в нацистских преступлениях, и они «ввиду чрезмерной концентрации экономической мощи» подлежали роспуску, оккупационные власти, в первую очередь американская администрация, взяли их под свою защиту. Банки в американской зоне продолжали оставаться частными акционерными обществами. Американ-

ские чиновники же уверяли, что банковское дело в их зоне «децентрализовано» и ведется «в местном масштабе».

На самом деле «реформа» свелась лишь к замене старых названий новыми. Банки сменили свои вывески, однако в них по-прежнему хозяйничали старые директора. Как пишет бывший начальник отдела американской военной администрации в Германии Джордж Уилер в книге «Американская политика в Германии», эти директора даже умышленно подчеркивали свою идентичность со старыми банками, вводя такие обозначения, как бывший «Немецкий банк», бывший «Дрезднер банк» и т. п. Банкиры всячески давали понять, что скоро пробьет и их час.

Таким образом, уже в 1945 г. гроссбанки («Немецкий», «Дрезденский», «Коммерческий») в американской зоне функционировали, как прежде. В скором времени их деятельность была разрешена в английской и французской зонах. В 1946 г. они снова открыли свои филиалы. Центром банковской деятельности вместо Берлина стал Гамбург, а позднее — Франкфурт-на-Майне. «Немецкий банк», как и другие гроссбанки, проявил завидную дальновидность, переведя в феврале 1945 г. свое правление в Гамбург. Одновременно банк начал переводить на Запад казначейские векселя и беспроцентные казначейские свидетельства в размерах активов, имевшихся на счетах западногерманских филиалов в главной конторе, и создавать в районах деятельности западногерманских филиалов новую, значительно расширенную сеть ломбардных отделений.

Уже летом 1945 г. был организован «гамбургский руководящий штаб» банка, куда вошли, в частности, Герман Абс, Эрих Вехтольф и Клеменс Пласман. По свидетельству западногерманского экономиста К. Прицколейта, «руководящий штаб» ютился в одной из комнат полуразрушенного универмага и «работал как расчетное и обменное бюро, стараясь в меру своих сил выполнять функции закрытой берлинской конторы».

В 1946 г. произошла «реорганизация» крупных банков. На базе филиалов трех гроссбанков — «Немецкого», «Дрезденского» и «Коммерческого» — возникло 30 самостоятельных региональных банков. Из состава «Немецкого банка» было выделено 10 региональных банков-преемников. Однако несмотря на подобную «децентрализацию», власть над этими банками по-прежнему оставалась в руках хозяев гроссбанков. Тем не менее директора «Немецкого банка»

были против и такой «реорганизации». Вот циркулярное письмо гамбургского «руководящего штаба» от 11 января 1946 г.: «Репутация и кредит «Немецкого банка» внутри страны и за границей является таким большим активом в германской экономике, что следует сделать все, чтобы сохранить этот актив. Когда Германия снова включится в мировое хозяйство, даже двадцать региональных банков не смогут заменить «Немецкий банк»...»

И далее: «История «Немецкого банка» доказывает, что он обязан своим значением и репутацией не честолюбивому стремлению к власти, как теперь иногда утверждают, а неутомимой деятельности замечательных людей, имена которых вошли в историю германской экономики, и всех их многочисленных испытанных сотрудников по общему делу, а также экономическому развитию как следствию роста германского народа и германского хозяйства. «Немецкий банк» не стремился присоединять к себе другие банки, напротив, они сами просили его об этом...»

Колониальный разбой, мародерство, заговоры, шантаж, террор, поглощение слабых с помощью самых нелестных средств объявлялись «неутомимой деятельностью замечательных людей, чьи имена вошли в историю германской экономики». Тут правильнее было сказать — в историю германского империализма, хотя в общем это одно и то же, ибо германская экономика служила империалистическим целям.

Если верить циркуляру, не было ни «аризации», ни захвата банков оккупированных стран. Просто австрийские, чехословацкие, люксембургские, голландские, румынские, греческие, болгарские и югославские банки, ослепленные репутацией и кредитом «Немецкого банка», с восторгом пали к ногам его замечательных сотрудников, умоляя присоединить их к «такому большому активу в германской экономике». У великого банка доброе сердце, и он просто не мог отказать страждущим, хотя его со всех сторон дожимали подобными просьбами.

Циркуляр гамбургского «штаба» произвел впечатление в высших кругах американской администрации. О нем доложили в Вашингтон.

Чересчур ретивых чиновников, обидевших «бескорыстных» коммерсантов, крепко поругали. Над германскими монополиями с «репутацией и кредитом» занялась заря ренессанса, хотя формально они подлежали «децентрализации», «декартелизации» и «разукрупнению».

В бесчисленных постановлениях и резолюциях американские и английские оккупационные власти громили крупные монополии, но те каждый раз выходили невредимыми из этой бумажной войны. «Банковская реформа» в американской зоне достигла своего апогея в учреждении «Дойче лендербанк» («Германский земельный банк»), который стал финансовым институтом бизонального Экономического совета и объединенного Экспортно-импортного ведомства (ДЖЕЙЯ), а также единственным эмиссионным банком на всей бизональной территории.

«Дойче лендербанк» получил контроль над всеми остальными банками Западной Германии. Так что вместо «децентрализации» получилась еще большая централизация частных банков, которые теперь могли еще полнее контролировать всю экономику. И самое интересное: директором всей централизованной банковской системы стал... Герман Абс. Американцы все-таки выудили его из британской зоны, но не для того, чтобы судить как преступника номер А31/110. Таланты финансового советника Гитлера срочно понадобились Уолл-стриту, считавшему нужным сохранить военно-промышленный потенциал Западной Германии.

Влиятельные нью-йоркские банкиры, подлинные хозяева Америки, давно помышляли включить американскую и английскую зоны в систему западного антикоммунистического блока. Неудивительно, что бизональная администрация всячески саботировала законы о декартелизации и разукрупнении крупных монополий, чтобы снова возродить концерны и картели. Оккупационные власти западных держав проявляли, естественно, заботу о людях, которых они наметили поставить у кормила экономической власти. Американский военный губернатор генерал Клей откровенно заявлял: «Тот факт, что человек является преуспевающим дельцом, не делает его в моих глазах непригодным. Нам нужны люди, которые знают хозяйство, иначе мы сядем в лужу. Если бы останавливаться перед тем, что человек во время 12-летнего гитлеровского господства зарабатывал много денег, то пришлось бы исключить всех людей с опытом и способностями». И далее: «Чтобы вдохновить Западную Германию на выполнение ее задач, нужно прекратить политическую и экономическую дискриминацию бывших нацистов».

Так рассуждал американский губернатор, который по совместительству являлся, кстати, крупным бизнесменом:

Клей занимал одновременно председательский пост в совете директоров фирмы «Континентал Кэн компани» и директорское кресло в меднорудной компании «Ньюмонт майнинг». Мнение такого солидного губернатора было равносильно приказу, а это значило, что директора «Немецкого банка» могли не волноваться за свое прошлое, хотя многие из них подлежали аресту, как люди, помогавшие созданию нацистской системы и извлекавшие из нее разнообразные выгоды. Абс остался на свободе. Впрочем, и те немногие финансовые магнаты, которых американские судьи сгоряча упекли в тюрьмы, жили там не хуже, чем дома. По свидетельству оккупационной газеты «Ньюс оф Джермани» от 11 октября 1947 г., «У них все время были лучшие пайки, да еще вино, женщины и музыка». Генерал Клей, человек, видимо, с большим чувством юмора, называл это «суровым обращением».

Что касается Германа Абса, то он уютнее чувствовал себя в своем имении, под крылышком оккупационных властей. Главнокомандующий британскими войсками в Германии сэр Дуглас первым завербовал Абса, назначив его своим финансовым советником. Когда Перси Миллса, председателя подкомиссии по экономическим вопросам британской контрольной комиссии, упрекнули в том, что он держит Абса и компанию в качестве консультантов, вместо того чтобы отправить их за решетку, он ответил: «А чем эти господа плохи? Это не нацисты, а деловые люди». А ведь многие из этих «деловых людей» формально находились еще под арестом. Западные власти использовали все связи — картельные и семейные, банковские и церковные, чтобы спасти от тюрьмы крупнейших магнатов третьего рейха.

Одним из замаскированных средств по возрождению былой мощи германских монополий явилась так называемая операция по «денацификации». Возглавил ее генерал Дрейпер — экономический советник американского военного губернатора, а по совместительству неофициальный представитель влиятельного нью-йоркского банкирского дома «Диллон, Рид энд компани». Связи этого банка с германскими монополиями, в частности с группой «Немецкого банка», восходят еще к 20-м годам.

В период между двумя мировыми войнами «Диллон, Рид энд компани» нажил десятки миллионов долларов коммиссионных, распространяя на американском фондовом рынке облигации германских займов. Особо тесные связи

«Диллон, Рид энд компани» поддерживал с двумя крупнейшими акционерами «Немецкого банка» — концернами «ИГ Фарбениндустри» и «Сименс унд Гальске». Подконтрольный «Немецкому банку» стальной и угольный концерн «Фэрейнигте штальверке» во многом обязан «Диллон, Рид энд компани». В 1926 г. этот американский банк предоставил концерну огромный заем, а в 1930 г. спас от краха «Сименс унд Гальске». Сименсы получили тогда 25 млн. долларов. Из обнаруженных после разгрома фашистской Германии документов явствует, что Уильям Дрейпер вел интимную переписку с директором «Немецкого банка» и одним из руководителей «Фэрейнигте штальверке», Отто Вольфом.

Клей, Дрейпер и другие высшие чиновники американской военной администрации всячески противились изданию закона против картелей и концернов. Когда же в ноябре 1945 г. Контрольный совет в Германии, руководствуясь решениями Потсдамской конференции о демилитаризации, принял закон о конфискации имущества «ИГ Фарбениндустри», эти люди горой встали на защиту концерна-преступника. Правда, формально они создали так называемый «ликвидационный комитет», которому было поручено «декартелизовать» «ИГ Фарбениндустри». Во главе его был поставлен... Герман Абс. Бывший вице-президент «Диллон Рид энд компани» и давний партнер «Немецкого банка» генерал Дрейпер осуществлял «верховный американский надзор» за деятельностью «комитета». Таким образом, декартелизация «ИГ» стала очередным фарсом.

Примерно так же обстояло дело с другим крупнейшим акционером «Немецкого банка» — концерном «Сименс унд Гальске». Начальником отдела электротехнической промышленности американской военной администрации был Чарльз Поуэл. Этот высокопоставленный чиновник хорошо знал Сименсов. Когда-то, будучи представителем американского треста «Вестингауз», Поуэл вел картельные переговоры с германским концерном и подписывал специальные приглашения. Разве он мог дать в обиду старых партнеров?

Деликатно относилась к Сименсам и британская военная администрация. На основании закона Контрольного совета по Германии № 52 она взяла под свой контроль берлинские предприятия концерна. И опять фарс: осуществление этого контроля было доверено некоему Фрицу Эссену, бывшему во времена рейха одним из руководителей «имперской группы индустрии». Эссен возглавлял финансо-

вую комиссию «имперской группы». В этом качестве он контролировал многие отделы концерна «Сименс унд Гальске» — отделы финансов, налогов, патентов, экономической политики, права, строительства, исследовательских работ. Через руки Эссена прошли 110 млн. марок, которые были инвестированы Сименсами в 1933—1938 гг. в военную экономику Германии, а также в подготовку фашистского мятежа в Испании.

Подобных «опекунов» имели и другие концерны группы «Немецкого банка». Но больше всех, безусловно, преуспел Абс. Финансовый советник британского губернатора, директор «Дойче лендербанк», председатель «ликвидационного комитета» по «декартелизации» «ИГ Фарбениндустри» Герман Абс вскоре стал заместителем председателя административного совета «Кредитного банка восстановления», основанного осенью 1948 г. Этот банк сразу стал играть заметную роль благодаря предоставлению инвестиционных кредитов для тяжелой промышленности. Только за два года — 1948—1950-й — банк инвестировал 42,8 млрд. марок. В последующие годы через «Кредитный банк восстановления» проходили американские правительственные и частные капиталовложения в экономику Рура.

Абс плетет сложную паутину связей. Особенно дружественные отношения установились у него с оккупационными властями. Американские и британские чиновники в восторге от остроумного, лстивого банкира. И когда встает вопрос о кандидатуре вице-председателя только что учрежденного «Германо-американского экономического союза», взоры власть имущих обращаются к Абсу. Этот немец с английскими манерами и американской хваткой, на их взгляд, безусловно самая подходящая фигура. Он удивительно быстро находит общий язык с победителями.

«Все, что раскрылось до сего дня об отношениях между ними, ясно говорит о том, что, как только эта кровавая война закончится, джентльмены сядут за стол и как можно быстрее возобновят свои довоенные связи». Это пророческое высказывание принадлежит члену конгресса США сенатору Г. Боуну, члену комиссии по расследованию тайных связей между американскими и германскими монополиями в предвоенный период. Джентльмены, в самом деле, быстро нашли общий язык. Это был милитаристский диалект с антисоветским проносом. Вооруженная до зубов, снова нацеленная «нах остен» Германия — вот чего добились собратья по бизнесу. Руководитель отдела «декар-

телизации» американской военной администрации Джеймс Мартин, ушедший в отставку в знак протеста против ремилитаризации Западной Германии, которую фактически стали проводить оккупационные власти по указке Уолл-стрита, писал: «Мои усилия были сведены на нет заинтересованными американскими группами, которые хотят создать в сердце Европы Германию, контролируемую монополистами».

Провозглашение в 1949 г. боннского государства было встречено на Уолл-стрите с восторгом, ибо цели американских монополий — восстановление германского монополистического капитала под контролем США, спасение старых капиталовложений, общая сумма которых превышала 5 млрд. долларов, использование всех возможностей для новых инвестиций, — как никогда, стали близки к осуществлению. Кроме того, Западная Германия представлялась американским политикам удобным антисоветским военным плацдармом и идеальной зоной для ведения «холодной войны».

Первым официальным представителем Федеративной Республики Германии, отправившимся за океан вести переговоры о займах и взаимных расчетах, был не какой-нибудь министр, а сам Герман Абс. Финансовый посол Бонна твердо верил в успех своей миссии. И он не ошибся. Америка снова отвалила миллионы долларов, выторговав себе, однако, право использовать западногерманское пушечное мясо в только что учрежденном НАТО. За первой сделкой последовали другие, и каждый раз они сопровождались золотым долларovým дождем. Один раз Абс привез кредиты. В другой раз он привез благословение на создание нового вермахта.

В те дни «Нью-Йорк таймс» писала: «Германия была великой военной державой; немцы — хорошие вояки. Если Соединенные Штаты вновь будут втянуты в войну, нам требуются солдаты».

К этому времени генерала Клея сменил более энергичный адвокат Уолл-стрита — Джон Макклой. Клей передал свои полномочия в тот момент, когда, как писала лондонская газета «Дейли экспресс», «германская тяжелая промышленность и ее нацистские директора были спасены... Немецким трестам уже больше ничто не угрожало».

Новый верховный комиссар США в Германии был поклонником нацизма. Его мать была немкой, жена — дочерью германского банкира, осевшего в Америке. Макклой про-

являл необычайную изобретательность, чтобы возродить германский военно-промышленный потенциал. Именно по его рекомендации интендантский генерал Клей стал командующим оккупационными войсками США в Германии, а вице-президент «Диллон, Рид энд компани» Уильям Дрейпер — экономическим советником Клея. Возглавив военную администрацию, Макклой развил бурную деятельность по перевооружению Западной Германии. В этом ему усердно помогал Герман Абс. Уже в 1950 г. имя Абса встречается в списке членов 17 наблюдательных советов. Это примерно вдвое больше, чем он мог занимать без специального разрешения федерального министра юстиции. Но разве министр смеет отказать другу губернатора?

Само собой разумеется, что, когда в 1952 г. в ФРГ был принят банковский закон, официально разрешивший деятельность grossбанков, Абс был приглашен в правление «Южногерманского банка», самого крупного из трех банков — преемников «Немецкого банка». По новому закону вся территория Западной Германии была разделена на три банковских района: «Немецкий», «Дрезденский» и «Коммерческий» банки имели в каждом из этих районов по одному банку-преемнику. Это означало дальнейшую концентрацию и централизацию банковского капитала в ФРГ. До полного ренессанса (возрождения) единого банка оставался лишь шаг.

Вместо 10 региональных кредитных институтов «Немецкий банк» имел теперь трех преемников: «Рейнско-Вестфальский банк» (земля Рейн-Вестфалия), «Северогерманский банк» (земли Бремен, Гамбург, Нижняя Саксония и Шлезвиг-Гольштейн) и «Южногерманский банк» (земли Баден-Вюртемберг, Бавария, Гассен и Рейнланд-Пфальц). Наиболее сильным из этих банков был «Южногерманский банк». На каждых четырех членов правления здесь приходилось по 68 наблюдательных постов в промышленности ФРГ. В целом же 48 членов правления, дирекции банка и его филиалов обладали 233 контрольными функциями в акционерных обществах разной величины. Это представляло значительно более сильную концентрацию власти и влияния, чем у двух других банков-преемников: «Рейнско-Вестфальский банк» имел 164 наблюдательных мандата, «Северогерманский банк» — 98 (цифры также весьма внушительные).

В совокупности три банка-преемника «Немецкого банка» располагали 495 наблюдательными мандатами — боль-

ше, чем «Дрезденский» и «Коммерческий» банки, вместе взятые. И как и прежде, благодаря системе участия «Немецкий банк» охватывал решающие отрасли экономики: химию, электротехнику, автостроение, тяжелую промышленность. Особенно много представителей банка заседало в предприятиях, которые перестраивались на выпуск военной продукции. Это концерны Сименса, Флика, «ИГ Фарбениндустри».

Как и прежде, американские доллары возрождают военно-промышленный потенциал Рура. «План Маршалла», предусматривавший «помощь оккупированным территориям», принес в сейфы рурских монополий свыше 3,8 млрд. долларов. Их распределял руководимый Абсом «Кредитный банк восстановления», так что Абс легко сумел проникнуть в многочисленные наблюдательные советы остро нуждавшихся в кредитах крупных концернов.

Огромные средства получили монополии и из государственной казны. Бонн стал крупнейшим инвеститором, покупателем товаров и услуг; рукой неоскудевающей сыпал он субсидии. Около половины всех валовых капиталовложений в экономику ФРГ составили государственные инвестиции. Львиную долю их заполучила промышленность вооружений.

Помощь государства чрезвычайно убыстрила концентрацию капитала. В акционерных обществах с капиталом свыше 100 млн. марок, располагавших в 1938 г. более 25% всего акционерного капитала, в 1953 г. было уже сосредоточено 34,2%, а в 1956 г. более 40% всего акционерного капитала. Непомерно возросла экономическая мощь крупных банков. К 1956 г. гроссбанки были тесно связаны личной унией или участием с 395 акционерными обществами с капиталом в 14,8 млрд. марок (70% всего акционерного капитала ФРГ). Из этой суммы на долю «Немецкого банка» приходилось 6,8 млрд. марок.

К середине 50-х годов капитал трех гроссбанков уже значительно превысил уровень 1938 г. К 1961 г. он увеличился по сравнению с довоенным уровнем в 4 раза!

Сказочные превращения претерпели и концерны группы «Немецкого банка» — «ИГ Фарбениндустри», «Сименс унд Гальске», Маннесмана, Хеша, Клекнера, Ганиэля, Флика. Концерн «Сименс», например, получил с 1949 по 1956 г. свыше миллиарда марок чистой прибыли. Доходы двух крупнейших обществ — концерна «Сименс унд Гальске» и «Сименс-Шуккерт» выросли за это время в 4,7 раза! Зай-

мы американских благодетелей, поддержка боннского государства, беспощадная эксплуатация миллионов рабочих — вот причины колоссального обогащения концернов.

Ренессанс «Дойче банк АГ»



Восстановив свое могущество на внутреннем рынке, крупные монополии обратили жадные взгляды на чужие страны. Их очень волновал экспорт — наидоходнейшая статья коммерции. С помощью правительства, предоставившего огромные льготы для монополий — освобождение от налогов, субсидии, покрытие неустоек, западногерманские концерны развернули наступление на внешних рынках. Концерны группы «Немецкого банка» не только восстановили, но и значительно расширили свою зарубежную сбытовую сеть. Например, «Сименс унд Гальске» уже к 1954 г. имел сбытовые организации в 64 странах.

Только за период с 1950 по 1956 г. доля ФРГ в общем экспорте капиталистического мира возросла с 3,6% почти до 8%. Это было чуть-чуть ниже уровня экспорта Англии. Постоянный активный торговый баланс привел к значительному увеличению валютных и золотых фондов Западной Германии. С 1951 по 1955 г. они возросли с 518 млн. марок до 3 млрд. марок!

В этой ситуации все большее значение приобретали гроссбанки, под контролем которых находились главные экспортные концерны — «Сименс», «БАСФ», «Даймлер-Бенц» и т. д. 24 декабря 1956 г. вступил в силу закон «Об отмене ограничений при открытии кредитных институтов». Путь к полному воссоединению преемников гроссбанков был свободен.

Апрель 1957 г. Слияние преемников «Немецкого банка». В Гамбурге, Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне появились вывески со знакомым названием: «Дойче банк АГ». Располагавшиеся здесь ранее в роскошных резиденциях правления трех банков-преемников продолжали функционировать уже в качестве трех «центральных» контор возрожденного «Немецкого банка». Директор регионального «Южноамериканского банка» Герман Абс автоматически вошел в правление «Немецкого банка», ибо новое руководство составилось из членов правления прежних банков-пре-

емников. Банковская монополия, которая активно подготавливала первую и вторую мировые войны, снова вышла на авансцену истории.

Началась третья серия походов «Немецкого банка». В главной роли — Герман Абс. Он принадлежит к самому избранному клану международной финансовой олигархии, а политические деятели крупнейших капиталистических стран являются его клиентами. Лишь одному ему известны все тайные пружины власти, все самые сокровенные методы финансовых махинаций. Абс доказал это, еще будучи отроком. Сейчас он стал ближайшим, лучшим советником Аденауэра по финансовым вопросам. Канцлер даже наградил его высшим орденом ФРГ — «Большим крестом за заслуги со звездой». Доклад Абса на съезде ХДС лег в основу принципов финансовой и экономической политики Бонна. Аденауэр не всегда следовал советам своего министра экономики Эрхарда. К советам же банкира он прислушивался всегда. По крайней мере раз в три недели происходила интимная встреча Абса и Аденауэра в Рендорфе — загородной резиденции канцлера. По просьбе главы кабинета Абс часто присутствовал также на заседаниях правительства в Бонне. Как писал западногерманский журнал «Шпигель», отношение Абса к политике соответствовало формуле: «Что хорошо для «Дойче банк», то хорошо и для Федеративной республики».

Каждый солидный концерн почитает за честь иметь Абса в наблюдательном совете: это сулит удачу в делах. Правда, лично у Абса нет столько денег, как у Круппа или Флика, но связи и влияние стоят иной раз дороже миллиона. К тому же он и так получает в год этот миллион. Директор «Немецкого банка» заседает уже в правлениях и наблюдательных советах 35 западногерманских концернов, занимая, следовательно, больше постов, чем при Гитлере. Его коллеги по банку Реслер, Плассман, Рат, Трон, Бехтольф заняли каждый более чем по 20 постов. Каждый из них получает в год свыше полумиллиона марок. В свою очередь заправила концернов — Эрнст фон Сименс, Гюнтер Генле, Карл Вурстер и др. — заседают в наблюдательном совете банка, что усиливает и дополняет сращивание банковского и промышленного капитала.

Миллионер, владеющий несколькими иностранными языками, Абс мог бы быть министром. В свое время Аденауэр предлагал ему возглавить министерство иностранных дел. Экс-президент ФРГ Любке прочил «гения финансовых

проделок» даже на пост канцлера. Но Абс категорически отказался от этих лестных предложений. Оно и понятно.

Ни один министерский пост не удовлетворил бы Абса, ибо он не дает и трети той власти (да и денег тоже), которой директор «Немецкого банка» располагает, являясь председателем наблюдательного совета химического гиганта «БАСФ» («Бадише анилин унд содафабрик АГ») — крупнейшего экспортера химической продукции, имеющего обширную сеть дочерних обществ и десятки сбытовых филиалов в Америке, Африке, Западной Европе (здесь доход Абса составляет в год 43 560 марок). Или членом наблюдательного совета штутгартского автомобильного концерна «Даймлер — Бенц АГ» со 112 тыс. рабочих и служащих, выпускающего двигатели для танков типа «леопард», а также знаменитый «мерседес», автомобиль королей и магараджей (здесь Абс получает ежегодно 49 332 марки)¹. Авиалайнеры компании воздушных сообщений «Люфтганза» не могут взлететь без ведома директора «Немецкого банка», ибо власть Абса распространяется и на гражданскую авиацию. Без его приказа не сдвинутся с места пассажирские и товарные поезда, ибо Абс контролирует и федеральные железные дороги. Равным образом это относится и к морскому транспорту. «Немецкий банк» обладает 80% акционерного капитала крупнейшей западногерманской паровой компании ХАПАГ («Гамбургско-американская линия АГ»). На земле, в небесах и на волнах царит «Немецкий банк». Неудивительно, что через старомодную конторку Абса во Франкфурте-на-Майне проходят миллиарды марок.

Крупные банки снова «юбер алес». В 1957 г. 150 членов правлений, наблюдательных советов и дирекций трех гросс-банков занимали примерно 1500 мест в правлениях и наблюдательных советах 850 акционерных обществ, обладавших капиталом в 15 млрд. марок. А если сюда прибавить дочерние общества и систему участия, позволяющую, по определению Ленина, «безнаказанно обдѣлывать какие угодно темные и грязные дела», то получится, что банкиры контролировали или представляли от 80 до 90% всего акционерного капитала ФРГ. «Западногерманские монополистические банки — «Немецкий банк», «Дрезденский банк» и «Коммерческий банк» — снова стали олицетворением власти финансового капитала», — говорил Вальтер Ульбрихт.

¹ Председателем наблюдательного совета «Даймлер-Бенц АГ» стал коллега Абса по «Немецкому банку» Франц Ульрих.

И «Немецкий банк» — первый. Если Абс заявляет, что его банк будет выплачивать 16% дивидендов, то «Дрезденский банк» и «Коммерческий банк» выплачивают столько же. Другие отрасли экономики тоже стремятся придерживаться уровня дивидендов, предлагаемого Абсом на текущий год. Франкфуртские банкиры не страшатся биржевых потрясений: боннское государство их заботливая няня. Федеральный банк ФРГ, например, — это кормушка, из которой «Немецкий банк» черпает свои кредитные ресурсы. Чересчур рискованные или недостаточно прибыльные гешефты «Немецкий банк» опять-таки взваливает на государственные коммерческие банки. Впрочем, надо отдать должное — команда Абса не занимается убыточными операциями, у нее достаточно богатый опыт в искусстве наживы. Выбор средств при этом не играет роли. Эмоции исключаются. Все эти качества сконцентрированы в личности Абса.

Обрисовывая характер директора «Немецкого банка», К. Прицколейт отметил, что «Герман Абс всегда рассматривал людей, с которыми он сталкивался, как «средство в чистом виде» (т. е. как деньги), как средство служить его банку, расширять сферу его власти. Всю сумму качеств этих людей он сводит к одному количественному понятию — понятию денег. Абс может хладнокровно расправиться с соперником, не проявляя при этом никаких эмоций. Если этот соперник — фигура незначительная, ради которой не стоит тратить сил, Абс отбрасывает свою обычную слащавость и галантность и показывает клыки грубого, сильного хищника».

За примерами ходить недалеко. Так, при обсуждении судьбы кассельских заводов «Хеншель-верке АГ» (группа «Дойче банк») банкир выставил председателя наблюдательного совета Хеншеля за дверь. Выставил, как мальчишку. Затем Хеншелю сказали: «Если вы до полуночи не подпишете бумаги о вашем выходе из наблюдательного совета, завтра же против вас будут приняты меры». Оскар Хеншель капитулировал: «Да, да, я подпишу все, что надо».

Одной фразы Абса («С Мюнemannом не сделаешь гешефта») было достаточно, чтобы подорвать банковское дело мюнхенского финансиста, подававшего, по мнению западногерманского журнала «Шпигель», «блестящие надежды». В трудную минуту он не получил поддержки от банков. Когда самый могущественный семейный концерн в Европе — Круппа оказался на грани банкротства, Абс не пошевелил пальцем, чтобы помочь ему. Лишь после того, как федеральное правительство дало гарантию на 75 млн. долларов, а

правительство земли Северный Рейн — Вестфалия — на половину этой суммы, «Немецкий банк» вместе с другими гроссбанками открыл Круппу кредит в несколько сот миллионов марок. Пушечному королю пришлось униженно вымаливать снисхождение. Ему помог Абс, но на условиях тотальной капитуляции. Старое руководство крупповской империи было изгнано, его место заняли ставленники гроссбанков во главе с... Абсом. Правда, фирма по-прежнему носит старое имя, но правит ею более могущественный монарх — шеф «Немецкого банка».

Влияние Абса распространяется далеко за пределы Федеративной республики. Тот, кто отважится на какую-либо зарубежную сделку, не прибегая к посредничеству «Немецкого банка», очень скоро почувствует опрометчивость своего шага.

Когда западногерманский коммерсант Фридрих Шваб попытался продать акции своей фирмы через американский банк Моргана, игнорируя Абса, он потерпел крах; ему не удалось сбыть значительную часть своих акций. Лондонский «Вестминстерский банк» пожелал, правда, приобрести у Шваба для пенсионного фонда акции в 200 тыс. марок, но из резиденции Абса во Франкфурте-на-Майне последовала телеграмма — и покупателей как ветром сдуло. Результат: Шваб был вынужден сам скупить свои собственные акции номинальной стоимостью в 13 млн. марок. Таким образом, Абс одержал верх над Морганом.

В парижской конторе Морганов по этому поводу заявили: «Абсу не было нужды высказывать определенно мнение об акциях Шваба, когда его расспрашивали клиенты или банки. Достаточно было намек на то, что он не заинтересован в этом деле. Теперь мы знаем, что вся Западная Европа прислушивается к его советам и даже просто намекам и следует им».

Любовь, кредит и прибыль



Станет ли финансовый бог считаться с каким-то общественным мнением? Для Абса, возглавившего правление «Немецкого банка», это пустой звук, ибо его ухо улавливает лишь шелест ассигнаций. Когда южноафриканская полиция в упор расстреляла в Шарпевиле мирных африкан-

цев, мир потребовал применить жесткие санкции к ЮАР. Совет Безопасности ООН принял соответствующее решение. Абс же, с согласия Бонна, выдал расистским убийцам кредит на сумму в 40 млн. марок. Не прошло и года, как «Немецкий банк» отвалил режиму апартеида еще 100 млн. марок. Напомним, что еще в 1958 г. контролируемый Абсом западногерманский «Кредитный банк восстановления» предоставил Претории кредит в 50 млн. марок.

Откуда такая любовь к Южной Африке?

Абсом двигали не только давние симпатии к профашистской клике ЮАР. Он всегда считал Южную Африку идеальным плацдармом для западногерманских инвестиций. «Она имеет для нас огромное значение», — заявлял президент «Немецкого банка».

Действительно, социально-экономические условия ЮАР, режим расовой дискриминации дают иностранным монополиям возможность извлекать дополнительные прибыли. Главная биржевая газета ФРГ «Хандельсблат» писала:

«Прибыли, приносимые ежегодно южноафриканскими филиалами наших концернов, как правило, вдвое выше, чем в Федеративной республике». Извлечению сверхприбылей благоприятствуют структура экономики и расположение промышленных предприятий «белых областей» Южно-Африканской Республики, а также дешевая рабочая сила и постоянный приток сезонных рабочих из соседних стран. Западногерманский финансовый капитал легко использовал эти преимущества для своего неокOLONиалистского «дранга», благо это значительно облегчалось еще общностью реакционных политических традиций и многолетними экономическими связями.

На страницах южноафриканского журнала «Саут Африка дайджест» Герман Абс заявлял: «Южная Африка — это такая страна, куда нужно вкладывать капитал». А одного слова Абса, как уже говорилось, достаточно, чтобы решить судьбу миллионных кредитов и предпринимателей. Западногерманские концерны гурьбой устремились в расистское эльдорадо. Сейчас тут орудует около 300 фирм ФРГ. Особенно активно наживаются компании группы «Немецкого банка». Фирмы — преемники «ИГ Фарбениндустри» — «Байер АГ», «Хехст АГ», «БАСФ» вторглись в химическую промышленность ЮАР и усердно насаждают здесь свои филиалы. Атомный концерн «Дегусса» набросился на дешевую южно-африканскую урановую руду. Сименсы направили своих экспертов на предприятия, занимающиеся разработ-

кой военных ракет дальнего действия. На территории ЮАР западногерманские концерны тайно проводят эксперименты в области атомного, ракетного и химического оружия. За это Претория регулярно получает от Бонна кредиты, займы и инвестиции. Капиталовложения ФРГ в экономику ЮАР составляют ныне 1,4 млн. марок.

Однако главной формой западногерманской экономической и военно-политической экспансии в Южную Африку является внешняя торговля. Начиная с 1955 г. экспорт ФРГ в ЮАР рос значительно быстрее импорта. С 1961 по 1964 г. он поднялся с 551 млн. марок до 906 млн. марок. Игнорируя решение Совета Безопасности ООН об эмбарго на торговлю с ЮАР, Бонн продолжает расширять свои связи с расистами. По секретным соглашениям между ФРГ и ЮАР Западная Германия получает из Южной Африки огромное количество урана и другого стратегического сырья в обмен на машинное оборудование и ядерную техническую информацию. Эти поставки осуществляются на льготных условиях долгосрочного кредита, предоставленного ЮАР опять-таки «Немецким банком».

Западногерманские концерны поставляют также Претории различные виды оружия и снаряжения. Генеральный уполномоченный авиакомпании «Люфтганза» (группа «Немецкого банка»), бывший гитлеровский генерал, фон Меллентин является военным советником южноафриканского правительства. Таким образом, «Немецкий банк» участвует в разработке тайных планов ЮАР, направленных против независимых африканских стран.

Рейнские магнаты неравнодушны и к другим фашистским и колониальным режимам. ФРГ ведет взаимовыгодную торговлю с владыкой Родезии расистом Смитом. Военный режим Индонезии предоставил 36 крупным западногерманским фирмам, в их числе компании «Даймлер — Бенц АГ», возможность прибрать к рукам нефть, олово, каучук, бокситы, никель и другие национальные богатства. Взамен в Джакарту течет поток рейнского золота. Никто иной, как Абс, выступил не так давно за снижение процентных ставок по займам для Индонезии.

Боннские щедроты сыплются и на марионеточные режимы Южного Вьетнама и Южной Кореи. Греческая военная хунта обрела в западногерманских монополистах лучших друзей. Она уже получила от них свыше 200 млн. марок наличными и еще на несколько сот миллионов марок оружием. Но дело, конечно, не только в политических симпа-

тиях. Рейнские концерны стремятся выжать максимум прибылей с Пелопонесса. «Сименс» основал в Греции компанию «Сименс-теле АГ», захватившую солидную часть греческого рынка, «Немецкий банк» и Фридрих Флик вторглись в энергетическое хозяйство, установили контроль над нефтяной и газовой промышленностью Греции. А уж банк не упустит случая получить сполна по векселям!

Португалия не смогла бы удержаться и дня в своих африканских владениях, если бы ей не помогали ФРГ и другие западные страны — члены НАТО. Западногерманские инвестиции, кредиты, техническая помощь, поставки машин и оборудования, посылка инструкторов для армии дают Лиссабону возможность вести дорогостоящую колониальную войну в Анголе и Мозамбике. ФРГ — важнейший торговый партнер Португалии. 50% всего португальского импорта машин, самолетов, инструментов — западногерманского происхождения. Разумеется, гроссбанки активно участвуют во всех операциях с колонизаторами, размещают португальские займы за границей, регулируют поток западногерманских инвестиций в португальскую экономику и африканские колонии Лиссабона. И здесь тон задает «Немецкий банк». Наряду с «Баварским объединенным банком» он — главный заимодавец Португалии, член «смешанной германо-португальской комиссии экономического сотрудничества». Недаром Абс, «почетный доктор» португальских университетов — частый гость в президентском дворце в Лиссабоне. Правда, глава «Немецкого банка» представляет не только интересы своей империи. Он в то же время и финансовый дипломат Бонна, защищающий западногерманские капиталовложения в Анголе и Мозамбике. Там активно действуют концерны Круппа, Сименса и другие рейнские монополии. «Немецкий банк» наживается на ангольской нефти через компанию «Петрангола» — дочернее общество бельгийской «Петрофина», где банк имеет солидную долю акций.

«Немецкий банк», к чьим былым заслугам относится «аризация» еврейского капитала в третьем рейхе, а также участие в сокрытии награбленных гитлеровцами сокровищ, в том числе золота, добытого эсэсовцами в лагерях смерти, — теперь лучший друг и израильских экстремистов.

Парадоксально, но факт: люди, в свое время восторженно приветствовавшие «эндлезунг» — массовое истребление граждан еврейской национальности, сейчас блокируются с сионистским международным капиталом. Западногер-

манские монополии, и среди них в первую очередь «Немецкий банк», тесно связаны с так называемым «интернационалом миллионеров», куда входят крупнейшие банковские сионистские фирмы США, Англии и Франции. Глава «Немецкого банка» Герман Абс даже сумел породниться по линии жены с могущественным банкирским домом Лимэнов, который входит в первые два десятка богатейших семейств Америки. В свою очередь, матримониальные союзы связывают Лимэнов с мощной банковской монополией «Братья Лазар», оперирующей в США, Англии и Франции. Лазары и Лимэны контролируют активы, равные почти 6 млрд. долларов. Другим важнейшим партнером «Немецкого банка» по операциям на Ближнем Востоке является международная группа Ротшильдов, которая фактически господствует в израильской экономике.

Эти связи позволили «Немецкому банку» и подконтрольным ему концернам самим закрепиться в Израиле. «Немецкий банк» прибрал к рукам израильскую промышленность по шлифованию алмазов, открыл филиалы на оккупированной Израилем территории. Концерн «Маннесман», поставивший сталь для труб нового нефтепровода Эйлат — Ашдод, имеющего стратегическое значение, усиливает контроль над израильскими предприятиями. Его экспансию оплачивает опять-таки «Дойче банк». Прибыли, которые извлекает здесь группа «Немецкого банка», намного превышают сумму, «пожертвованную» ею же Израилю.

Вкладывая свои капиталы в израильскую экономику, финансовые и промышленные магнаты ФРГ, США, Англии и других западных держав рассчитывают прежде всего на прибыли. А они здесь немалые даже при относительно небольших капиталовложениях. Правительство гарантирует уже с первого года 10% прибыли на вложенный капитал и ежегодно выплачивает иностранным инвеститорам долговые суммы, составляющие около 12% всей национальной продукции.

Западногерманская марка чувствует себя в Израиле как дома. Она составляет сейчас 80—90% всех израильских запасов иностранной валюты. Таким образом, Израиль, страдающий постоянным платежным дефицитом, оказывается в состоянии тратить на нужды агрессии 3 млн. долл. в день, закупать на валюту военную технику за рубежом, проводить дальнейшую милитаризацию экономики. «Немецкий банк» наряду с другими банковскими монополиями Запада повинен в кровопролитии на Ближнем Востоке.

Европа, Африка, Ближний Восток не единственные объекты экспансии «Немецкого банка». Гораздо успешнее и с большими прибылями франкфуртские банкиры орудуют за океаном, в Латинской Америке. Если в первые послевоенные годы здесь безраздельно хозяйничали американские монополии, то уже в 50-х годах рейнские дельцы сумели восстановить все экономические позиции, утраченные в результате второй мировой войны, и выйти на второе, после США, место по экспорту в латиноамериканские страны. За океаном сосредоточено две трети западногерманских инвестиций в развивающихся странах и четверть общих зарубежных капиталовложений ФРГ (их сумма составляет свыше 16 млрд. марок). Это вдвое больше, чем все инвестиции Западной Германии в Африке и Азии, вместе взятые. Но натиск марки в латиноамериканские государства не ослабевает.

Экспорт частного капитала ФРГ вырос с 3,9 млрд. марок в 1967 г. до 5,6 млрд. в 1968 г. Только прямые западногерманские капиталовложения в странах Латинской Америки увеличились на 342 млн. марок и достигли 2 млрд. 230 млн. марок. Владельцы рейнских монополий и банков предпочитают умалчивать о своих успехах в Новом Свете, а тем паче хвастать доходами. Цифры остаются в «гроссбухах», надежно упрятанных в бронированных сейфах. Но и без цифр ясно, что финансовые и промышленные магнаты из ФРГ чувствуют себя здесь привольно. Здесь нет той взрывчатой революционной ситуации, как в Африке или на Арабском Востоке, поэтому их капиталовложения в относительной безопасности.

Уже в 1963 г. «большая тройка» — «Немецкий», «Дрезденский» и «Коммерческий» банки открыли в Латинской Америке 33 своих филиала и возродили довоенные колониальные банки — «Германско-южноамериканский», «Иberoамериканский» и «Германский трансатлантический» («Германский заморский»).

Эти кредитные институты приобретают крупные пакеты акций основных латиноамериканских банков, получая в них влиятельные директорские посты и контроль над значительным числом промышленных предприятий. Главные объекты экспансии гроссбанков — Колумбия, Аргентина, Бразилия, Чили. Диктаторские режимы Латинской Америки любезно допускают западногерманских банкиров к национальному пирогу. Германа Абса, частенько посещающего свою заокеанскую вотчину, «гориллы» встречают как желанного гос-

тя. Для них он куда важнее, чем сам канцлер ФРГ, не говоря уже о каком-то министре, ибо Абс олицетворяет финансовую мощь Западной Германии.

Каждый дальновидный диктатор считает за честь преподнести президенту «Немецкого банка» какой-нибудь памятный подарок. Обычно это бывает орден. Все знают, что Абс равнодушен к богу. У ворот своего поместья в Ремагене он воздвиг четырехметровый каменный крест. Даже награды он предпочитает с божественным сюжетом. Из Ватикана Абс увез крест и звание «Рыцаря ордена гроба господня». Из Мадрида — Испанский крест к ордену Изабеллы Католической. Из Рио-де-Жанейро — орден «Крест Юга». В другой раз ему преподнесли там чисто земное подношение — толстую пачку банкнотов. Зато Абс ниспослал свое благословение на Бразилию: в 1966 г. на нее приходилось 210 млн. долл. — больше половины западногерманских прямых частных инвестиций. Огромные капиталовложения «Сименса», «Клекнера», «Даймлер — Бенц», основавшего здесь дочернее общество «Мерседес-Бенц до Бразил», и других концернов группы «Немецкого банка» явились наряду с крупным землевладением важнейшей экономической базой диктатуры в Бразилии.

«Немецкий банк» руководит всей операцией по экономическому закабалению латиноамериканского континента. Он без усталы плетет сети, смыкаясь с местным финансовым капиталом и подчиняя его себе. Подопечные «Немецкому банку» концерны бесконтрольно господствуют поэтому на рынках большинства стран Латинской Америки, «закрепляя» за собой, таким образом, источники сырья и рынки сбыта и совершая, по определению Ленина, экономическую аннексию без аннексии политической¹. «Даймлер — Бенц» подкупил высокопоставленных аргентинских чиновников, чтобы учредить дочернюю компанию «Мерседес-Бенц Аргентина». Другой крупный акционер банка — табачная монополия «Реemtсма цигареттен фабрикен» — прибрала к рукам национальные табачные предприятия Аргентины. «Германский заморский банк» основал в Буэнос-Айресе свой филиал. Концерн «Сименс унд Гальске» создал в Венесуэле филиалы, которые, в свою очередь, опутали сетью отделений всю страну.

Особенно преуспел в наживе концерн «Маннесман». Эта рейнская монополия, ежегодно вывозящая из Бразилии

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 95.

многомиллионные прибыли, владеющая здесь огромными капиталами, сама не вложила в бразильскую экономику ни пфеннига.

Капитал, с которым «Маннесман» стал орудовать в Бразилии, был плодом хитроумных финансовых афер. Одна из них заключалась в том, что концерн брал у бразильского государственного банка взаймы, а потом, подождав, пока местная валюта не обесценивалась, возвращал их. Таким образом, кудесники из «Маннесмана» ухитрялись из воздуха делать доходы в 100, а то и в 200%. Это приносило в кассы фирмы миллионы долларов. Таких примеров можно привести немало. Это бесстыдное надувательство именуют, однако, на Западе проявлением «свободной частной инициативы».

Такую «инициативу» в сочетании с привычными колониальными приемами «Немецкий банк» проявляет и в Азии. Путь банка ведет здесь по дорожкам, проторенным еще британскими колонизаторами. Банковские и промышленные монополии Западной Германии с готовностью «заполняют вакуум», образовавшийся после распада Британской империи. На смену английскому колониализму пришел боннский неоколониализм, а «Немецкий банк» — пророк его.

В Документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в июне 1969 г. в Москве, говорится, что «неоколониализм стремится заковать в цепи новые государства... путем экспорта капитала и присвоения монополиями гигантских прибылей на вложенный частный капитал...».

Эта оценка полностью относится и к «Немецкому банку», который возглавляет ныне отряд западногерманских монополий, орудующих в странах Азии. Свою экспансию банк осуществляет через местные кредитные институты, скупая крупные пакеты их акций.

Через «Прайвит дивелопмент корпорейшн оф Филиппинз» он контролирует важные отрасли экономики Филиппин. В Пакистане этим целям служит «Пэкистэн индустриэлокредит корпорейшн», в Индии — «Индастриэл кредит энд инвестмент корпорейшн оф Индия». Во всех этих банках «Немецкий банк» имеет солидные пакеты акций.

Западногерманская пресса любит разглагольствовать о «помощи», которую-де ФРГ бескорыстно оказывает развивающимся странам Азии. На самом деле эта помощь кредитами и займами составляет лишь десятую часть прибы-

лей, которую рейнские койквистадоры выкачивают из азиатского района. К тому же она предоставляется лишь «надежным клиентам». Индийская газета «Пэтриот», срывая маску с западногерманских благодетелей, отмечает, что они оказывают помощь только там, где она приносит им политические дивиденды. Да и сам Герман Абс дал этой «помощи» меткое определение, назвав ее «операцией военного типа». Больше того, шеф «Немецкого банка» разработал проект «международной конвенции взаимной охраны частных имущественных прав за границей», позволяющей странам-кредиторам «защищать» свои инвестиции с помощью военных средств, т. е. открытой интервенции.

Что касается торговли, то западногерманский экспорт в страны Азии во много раз превышает импорт. Разоблачая характер подобной торговли, газета «Хиндустан таймс» называла ФРГ «прототипом империалистических кровопийц». Эта характеристика относится в первую очередь к «Немецкому банку», через который проходит большинство экспортно-импортных операций ФРГ в Азии.

Империя марки



В конце 1966 г. Абс ушел с поста председателя правления, став председателем наблюдательного совета банка. Но это чисто формальное перемещение. «Никто и ничто — пока он жив — не сможет разрушить волшебную гору его власти и влияния», — писал в этой связи журнал «Шпигель». Король финансов по-прежнему властвует в своей империи. А она огромна, эта империя. Главное направление экспансии «Немецкого банка» — зарубежные гешефты. Треть всей внешней торговли ФРГ проходит через руки франкфуртских банкиров. Филиалы и представительства банка, служащие опорными пунктами для экспансии ведущих боннских концернов, раскинулись по 39 странам мира. Важнейший и крупнейший из них расположился в финансовой столице западного мира — Нью-Йорке. В 1968 г. «Немецкий банк» совместно с несколькими европейскими банками основал в городе на Гудзоне так называемую «Еуропеэн-Америкэн банкинг корпорейшн», которая ныне служит мостиком между американским и западноевропейским финансовым капиталом.

В 1969 г. «Немецкий банк» насчитывал тысячу отделений с 30 тыс. сотрудников, его депозиты составили 7,6 млрд. марок, а балансовая сумма — 27,7 млрд. марок! По данным западногерманской биржевой газеты «Хандельсблат», «Немецкий банк» поддерживает контакты с 4300 банками-корреспондентами в 100 странах мира и «возглавляет список международных предпринимателей». В числе его 3,5 млн. клиентов — Морганы и Рокфеллеры, Форды и Ротшильды, крупнейшая банковская монополия США «Бэнк оф Америка», один из самых могущественных английских банков — «Мидленд бэнк», а также множество военно-промышленных корпораций, ворушающих миллиардами.

Не довольствуясь связями с влиятельнейшей финансовой династией Западной Европы — Ротшильдами, «Немецкий банк» завязал дружественные отношения с крупнейшей финансовой группой Франции, которую возглавляет «Банк де Пари э де Пэи-Ба». В этом альянсе, служащем экономической базой франко-западногерманского союза, участвуют и некоторые концерны группы «Немецкого банка», как, например, «Сименс» — крупнейший экспортер электротехнических товаров с 9-миллиардным оборотом. Это обстоятельство плюс связи с голландским и бельгийским монополистическим капиталом весьма дополняют и усиливают роль ФРГ в «Общем рынке».

Интересно проследить нити, соединяющие «Немецкий банк» с ведущими финансовыми группами Запада. От западноберлинского концерна АЕГ ниточка ведет к Морганам, которые владеют 30% акций АЕГ. Кельнские заводы «Фордверке АГ» представляют интересы автомобильного короля Америки. Форд владеет здесь 64% всех акций. С Рокфеллерами «Немецкий банк» связывает нефтяная компания «Дойче вакуум оль АГ» в Гамбурге, полностью принадлежащая нью-йоркским миллиардерам. Мостиком между «Немецким банком» и англо-голландскими монополиями служат гамбургская компания «Дойче шелл АГ» и «Фэрейн дойчер ольфабрикен» в Мангейме. Первая — собственность нефтяного треста «Ройял датч шелл», вторая принадлежит концерну «Юнилевер». «Ройял датч шелл» была в числе первых иностранных монополий, которые финансировали гитлеровскую партию. Может поэтому «Дойче шелл АГ», где участвует и «Немецкий банк», ссужает ныне деньгами и неофашистскую партию фон Таддена — НДП. Не случайно Абс вместе с НДП объявил войну профсоюзам, выступив против участия трудящихся в управлении.

Список фирм, связывающих финансовую империю Абса с иностранным капиталом, можно цитировать и далее. Ведь в Западной Германии насчитываются тысячи иностранных обществ и тысячи компаний, контролируемых теми иностранными монополиями, с которыми банк ведет дела. Только США представлены здесь двумя тысячами фирм. 1200 западногерманских предприятий перешли под американский контроль. Солидную долю в западногерманской экономике имеет и монополистический капитал Англии, Франции, Бельгии, Голландии. Получилось так, что за займы и кредиты, представленные ими когда-то, ФРГ пришлось расплачиваться распродажей перспективных предприятий. Но есть и другая сторона этого дела. Наиболее откровенно ее выразил западногерманский финансист Мюнеманн, который без обиняков признал: «Чем больше денег вкладывает Америка в Западной Германии, тем больше возрастает наша уверенность в том, что в критической ситуации США будут на нашей стороне». Тем более что около дюжины американских военных корпораций, занимающих первые места в списке поставщиков Пентагона, тесно связаны договорами с западногерманскими военными концернами, в частности с «Сименсом» и группой «ИГ Фарбениндустри» — крупными акционерами «Немецкого банка».

Таким образом, банк обогащается на буме в американской военной промышленности в связи с вьетнамской авантюрой. На каждом нажитом им долларе — следы крови. А марки? О, они также могут рассказать о многом! На миллионах банкнотов, проходящих через руки франкфуртских банкиров, — незримые следы афер, махинаций и подлогов. Вот факты.

«Дойче банк АГ» — это не только монополия, подчинившая себе десятки других банков. Это — ядро финансовой группы, которая охватывает важнейшие концерны Западной Германии — Сименса, Маннесмана, Клекнера, Хеша, Хенкеля, Ганиэля, Реемтсма, ДЕМАГ, Хортена, группу «ИГ Фарбениндустри», «Даймлер — Бенц», «Рейншталь» и т. д. На предприятиях группы «Немецкого банка» занято 1 млн. 300 тыс. человек. Эта группа ежегодно пускает в оборот свыше 80 млрд. марок, что равняется национальному доходу Голландии и Дании, вместе взятых. Даже благочестивый журнал «Крист унд вельт» выразил по этому поводу свое удивление: «Мы столкнулись с явлением создания нового господствующего слоя, так же как в начале патрицианства в торговых центрах».

Мультимиллионеры, владельцы и управляющие концернов группы «Немецкого банка» объединили свои капиталы, связи и влияния, чтобы обеспечить контроль в наиболее прибыльных отраслях экономики и тем самым извлекать из них монопольные прибыли. Только 10 важнейших членов наблюдательного совета «Немецкого банка» обладают 113 контрольными функциями в других предприятиях, причем в 55 случаях они занимают посты председателей наблюдательных советов, в 13 — заместителей председателей и в 45 случаях — членов наблюдательных советов. Формально этим промышленно-банковским комплексом управляет группа директоров и различного рода советников. В действительности же последнее слово всегда остается за руководителями «Дойче банк» — головного банка этой финансовой группы.

Характерный признак группы «Немецкого банка» — размещение акций «штатных» концернов в первую очередь внутри самой группы. Каждый раз, выпуская акции, банк большую часть их размещал среди «своих». Так было в 1940 г., когда крупнейшие акционеры — Сименс, Маннесман, Клекнер, Хеш, Хенкель, Реemtсма — получили 20% новых акций. Другие 55% были размещены между менее солидными членами финансовой группы. Остаток — 25% распределили между 99 банками. Примерно так же выглядела операция с размещением акций и в 1961 г.

А распределение дивидендов! В 1970 г. их уровень составил 18%. На долю «совета богов» банка пришлось 120 млн. марок, или свыше 60% чистой прибыли. При этом банкиры утаили от налогообложения ровно 100 млн. марок.

Естественно, крупнейшие акционеры заправляют и на генеральных (общих) собраниях «Немецкого банка», где решаются судьбы прибылей и акций. Однако руководители банка заверяют, что они всего лишь скромные выразители воли рядовых, мелких акционеров и что поэтому, мол, «Немецкий банк» чуть ли не «народное предприятие». Абс говорил в 1954 г.: «20—25 тысяч акционеров... Ни один из них не обладает суммой больше миллиона... те немногие, кто имеет более ста тысяч, не сидят в наблюдательном совете». Это было сказано 16 лет назад.

Сейчас число акционеров банка равняется 100 тыс. человек. Значительную часть их составляют крестьяне и рабочие, домохозяйки и пенсионеры. Им внушили, что, владея даже одной-двумя акциями, можно легко стать миллионером. Конечно, если не предвидится понижения курса. В

противном случае «народные капиталисты» потеряют то немалое, что имели. Их акции вовремя скупают крупные акционеры, чтобы в случае повышения курса выгодно сбыть их.

Так оно и бывает. Западногерманский журнал «Нойе ревю» признавал, что в результате биржевых махинаций «народные акционеры... постепенно теряют все больше своих денег». Но простодушные микроротшильды готовы немного подождать, пока им не поднесут на блюдечке первый миллион. Они желают равных прав с крупными акционерами. Но едва ли их мнение учитывается на генеральных собраниях. Право голоса по их акциям перешло к банкирам. А на собраниях акционеров при выборе руководящих органов банка у каждого акционера столько голосов, сколько акций. Немецкий экономист Г. Бауманн в книге «Банки, банки превыше всего» свидетельствует, что на общих собраниях присутствует лишь горстка самых влиятельных акционеров, которые распоряжаются двумя третями всего акционерного капитала. Поэтому сюрпризов при выборе членов наблюдательного совета и правления не бывает. Как правило, избирают тех лиц, которые уже ранее сидели в руководстве банка. Выборы — простая формальность. Власть остается в руках все той же влиятельной горстки собственников.

Перед первой мировой войной список акционеров банка, присутствовавших на генеральных собраниях, насчитывал тысячу имен промышленников, банкиров и рантье. В последующие 10 лет данные о числе участвующих в собраниях акционеров не публиковались. Оно и понятно: власть внутри банка все более сосредоточивалась в руках немногих, наиболее крупных акционеров. В 1923 г. большая часть акций «Немецкого банка» очутилась в сейфах примерно 20 коммерческих и частных банков, главным образом тех, которые входили в сферу влияния «Немецкого банка», а также десятка частных крупных акционеров. Этот «совет богов» обладал в то время 142 млн. марок, т. е. примерно 82% капитала, представленного на генеральном собрании банка в 1923 г. В 1940 г. 60 человек — наполовину члены правления и наблюдательного совета «Немецкого банка» — имели право голоса на 82,8 млн. марок (одна акция в 100 марок — один голос). На генеральном собрании того года всеобщее внимание привлек пакет акций в нарицательной стоимости 69,8 млн. марок. Это составляло 84% капитала, представленного на собрании. Велико же было удивление

присутствовавших, когда выяснилось, что владельцем пакета был сам... «Немецкий банк». Банк и сейчас является крупнейшим акционером «самого себя». Едва ли лучше можно проиллюстрировать фарс с «демократизацией капитала», о которой так любит говорить западногерманская буржуазная печать!

«Не раздробление крупного капитала означает обилие этих мелких вкладчиков, а усиление могущества крупного капитала, получающего в свое распоряжение даже мельчайшие крохи «народных сбережений»¹. Это ленинское определение сущности «народного капитализма» полностью относится и к западногерманским монополистическим банкам — «Немецкому», «Дрезденскому» и «Коммерческому», которые манипулируют депонированными акциями на сотни миллионов марок, что равносильно обладанию сотнями тысяч голосов. В концерне «Маннесман», например, десятки тысяч акционеров. Подавляющая часть их имеет акции на сумму в 50—100 марок. Ясно, что всеми делами концерна управляет маленькая кучка миллионеров, обладающая контрольным пакетом акций.

А сокрытие прибылей? Крупные акционеры «Немецкого банка» владеют изощренными методами составления «налогонепроницаемых» балансов. Это делается, чтобы замаскировать истинные результаты своих гешефтов, преуменьшить размер полученной прибыли. В балансах концерна «Даймлер — Бенц АГ» за 1960—1967 гг. фигурировали 516 млн. марок прибыли, между тем как действительная прибыль составила 3,7 млрд. марок. Мошеннический трюк позволил укрыть от налогообложения более 3 млрд. марок, или 86% полученных доходов. К подобным приемам прибегают и некоторые другие концерны группы «Немецкого банка». Кстати, балансы самого банка не дают точной суммы прибыли. Там зафиксированы лишь доходы от кредитных операций и совершенно утаены дивиденды, получаемые с акций промышленных и торговых фирм, в которых участвует банк, от операций с дивизами и иностранной валютой и эмиссии ценных бумаг. Эти скрытые побочные доходы часто превышают собственный капитал банка. Абс, например, признавался в 1965 г., что «Немецкий банк» выплатил акционерам лишь 40% чистой прибыли. Остальные 60% были замаскированы и переведены в скрытые резервы. В 1967 г. банк выплатил акционерам две трети прибы-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 290.

ли, полученной при выпуске новых акций. Выпуск ценных бумаг вообще удобная лазейка для банкиров и одна из «главных операций финансового капитала», по определению В. И. Ленина¹.

В 1968 г. «Немецкий банк» повысил свой акционерный капитал с 400 до 480 млн. марок. Однако новые акции на сумму 80 млн. марок были выпущены по курсу, равному 250% их нарицательной стоимости. Это принесло в сейфы банка доход в 200 млн. марок. Таким образом, чистая прибыль составила 120 млн. марок. Совсем недурно! А сколько еще афер утаено в гроссбухах банка...

Гигантская банковская монополия опутала своими сетями всю Западную Германию. Ее власть простирается на экономику и культуру, бундестаг и министерства. Западногерманский журнал «Шпигель», который можно обвинить в чем угодно, но только не в желании в данном случае сгустить краски, в статье, озаглавленной «Король из «Дойче банк»», писал, что Герман Абс «втихомолку участвует в разработке решений, которые в конечном счете касаются каждого гражданина республики».

Империя «Немецкого банка» уже давно перешагнула национальные границы. Ее некоронованные властители мечтают продолжить путь, начатый при кайзере и продолженный при фюрере.

Крупнейшие акционеры банка — сименсы, клекнеры, ганиэли, маннесманы не прочь в третий раз поиграть судьбами Европы и мира. Только вряд ли человечество это допустит. У него есть против рецидивистов надежные успокоительные средства. К тому же финансовой мафии придется иметь дело и с населением Западной Германии, которое в подавляющем большинстве все более решительно выступает сейчас за политику неприменения силы, за неприкосновенность нынешних европейских границ.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 352.

СОДЕРЖАНИЕ

Первые шаги	5
На всех парах к наживе	7
«Керосиновая комедия»	14
За кулисами событий	16
Кровавый жир	19
На золотой волне	22
Тайные правители	28
Со свастикой в сердце	30
Имперские притязания и... мошенничество	35
«Мой друг Гиммлер»	38
Грабители и шпионы	44
Новые благодетели	50
Ренессанс «Дойче банк АГ»	61
Любовь, кредит и прибыль	65
Империя марки	73

Румянцев Фридрих Яковлевич
ФИНАНСОВАЯ МАФИЯ

Заведующий редакцией *Пискунов В. Т.*
Редактор *Аветисян Е. М.*
Художник *Житомирский А. А.*
Художественный редактор *Сергеев С. И.*
Технический редактор *Данилина А. И.*

Подписано в набор-печать 27 января 1971 г. Формат 84 × 108^{1/2}.
Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 4,20. Учетно-изд.
л. 4,35. Тираж 100 тыс. экз. А02416. Заказ № 163. Цена 13 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Оригинал-макет брошюры подготовлен
на печатно-кодирующем устройстве «Север».
Набран на линоTYPE-автомате «Н-10»

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.